

Виктор АЛЕВЕТДИНОВ

Лечение бессмертия

Ей подарили вечность
И забрали право выбирать

Городское фэнтези

Виктор Алеветдинов

Лечение бессмертия

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Лечение бессмертия / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Через несколько дней после похорон дед Нины возвращается на кухню и просит вернуть наследство. Реставратор Нина Лебедева думала, что получила старый дом. Вместе с ним ей передали бессмертие, скрыв условия дара. Теперь травмы заживают за считанные дни, а родственники уверены: раз времени у неё бесконечно много, можно требовать и бесконечной помощи. За семейной заботой скрывается договор, которому триста лет. Чтобы вернуть себе право распоряжаться собственной жизнью, Нине предстоит восстановить его подлинные условия. Но бумаги хранят люди, которым удобно, чтобы наследники ничего не спрашивали. А человек, втянувший её в эту историю, — любимый дед. Можно ли вылечить бессмертие, когда родные считают его твоим долгом?

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Наследство	6
Глава 1. Рабочая рука	6
Глава 2. Повторный осмотр	10
Глава 3. Человек на кухне	14
Глава 4. Несколько поколений	18
Глава 5. Ремонт за счёт семьи	21
Глава 6. Двор союза	24
Глава 7. Что видит врач	28
Глава 8. Бумаги, которые забрали	31
Глава 9. Работа на много лет	35
Глава 10. Отказ Ирины	38
Часть 2. Чужие годы	41
Глава 11. Склад в лечебнице	41
Глава 12. Следы воды	45
Глава 13. Подпись Аграфены	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Алеветдинов

Лечение бессмертия

Пролог

После прощания я вернулась в дедов кабинет и села разбирать счета. На одном стояла его пометка: «Уточнить, за что». Я отложила лист, чтобы спросить, и только тогда вспомнила, что спрашивать больше не у кого. Сегодня я ошиблась дважды.

Деда мне не показали. Родственники сказали, что он сам просил закрытого прощания, и я не стала возражать. Теперь хотелось увидеть его руку, которой он придерживал счёт, проверяя подсчёты.

В дверь постучал мужчина, привозивший деду семейные бумаги. Он поставил на стол книгу с медной застёжкой.

— Семён велел передать вам. Здесь нужно расписаться.

— Дом ведь уже оформлен на меня.

— Это о принятии хозяйства. Семейная запись.

Я открыла книгу на вложенном листке. Подпись деда стояла внизу, под несколькими строками. Он успел сделать и это.

— А расходы тоже теперь мои?

— По ремонту всё остаётся, как договаривались.

Платить за дом предстояло из моих заказов, а работать сегодня никак не получалось.

— Окна доделают?

— Нужно связаться с мастером. Его номер у Семёна в тетради.

Мужчина достал ручку, но я взяла свою. Сначала следовало прочитать запись. Обычно дед торопил меня в таких случаях: мол, всё проверено, чего сидеть. Сейчас торопить было некому, а я всё равно чувствовала, что задерживаю человека.

Под листком лежала записка: «Нина, дом пока не продавай. Сначала разбери бумаги. Семён».

Продавать я и не собиралась. Дед передал мне дом ещё при жизни, а я обещала помочь с ремонтом. Я прочитала строки о принятии хозяйства и поставила подпись рядом с его именем.

— Книгу заберёте?

— Она остаётся у вас.

Проводив мужчину, я убрала книгу в шкаф. Пришло сообщение заказчика. Он ждал восстановленный лист. Я написала, что пришлю фотографию завтра, и вернулась к счетам.

Из окна тянуло. Дед собирался поправить раму до осени; я нашла его тетрадь и обвела номер мастера. Вечером нужно было позвонить. Мне хотелось услышать, как дед из соседней комнаты спрашивает, долго ли ещё я буду возиться. Пока можно было закончить то, что он оставил.

Часть 1. Наследство

Глава 1. Рабочая рука

Первого сентября мастер позвонил в половине девятого. Я освобождала стол для работы. Он мог зайти через час и посмотреть окно. Я согласилась и убрала лампу: её провод мешал подойти к раме.

На столе лежал лист из семейного альбома заказчика. Нижний угол был надорван, и прежний владелец подклеил его канцелярским скотчем. Ленту я сняла раньше, а сегодня хотела закончить работу с повреждённым участком. Фотографию результата обещала ещё накануне.

Я собрала волосы и открыла снимок исходного состояния. За разрывом терялся край рукава. Заказчик просил дорисовать недостающее, но мы договорились сохранить изображение, восстановив сам лист.

Он позвонил прежде, чем я успела написать.

— Доброе утро, Нина. Сегодня покажете, что получилось?

— Пришлю фотографию после обеда. Сейчас жду мастера, он посмотрит окно, потом вернусь к листу.

До прихода оставалось время перенести коробки и отодвинуть стол. Обычно я так и рассчитывала: домашнее дело займёт немного, рабочее подождёт. К вечеру выяснялось, что рабочее ждало весь день.

Альбом закрыла и положила в шкаф. Там же оставила папку с семейными бумагами, которые разбирала вчера. Домовую книгу пришлось подвинуть на полке: медная застёжка цеплялась за папку. Подписи в ней больше не хотелось разглядывать.

В комнате мы с дедом устроили мне рабочее место два года назад. Он обещал убрать тяжёлую настенную полку, но до неё не дошли руки. На доску я складывала картон для упаковки; дед считал, что хорошая вещь ещё пригодится. Пока она в основном мешала подойти к столу, и я часто задевала её плечом.

Первую коробку перенесла в коридор и вернулась за второй. Она стояла под полкой, на краю старого стола. Когда я потянула её к себе, картон зацепился за выступающий угол. Послышался треск, доска наклонилась. Я начала отступать, но её край ударил по правой кисти и прижал руку к столу.

Сначала я не поняла, как освободиться. Левой рукой приподняла доску, выдернула правую и отпустила. Полка стукнула об пол. Из стены торчал один кронштейн, второй лежал рядом с куском штукатурки.

Я села на стул. На тыльной стороне кисти выступила кровь, пальцы оставались полусогнутыми. Попробовала пошевелить ими и остановилась: боль отдала к запястью. Во рту стало неприятно, захотелось лечь. Я наклонилась вперёд и подождала, пока перестанет кружиться голова.

Альбом был в шкафу. Я посмотрела на закрытую дверцу и вспомнила, что успела убрать его до падения. Всё остальное могло оставаться на полу.

До телефона у окна добралась, прижимая правую руку к себе. Позвонила мастеру, отменила встречу и объяснила, что еду к врачу. Он предложил подойти и помочь. Я поблагодарила, но ждать не хотелось.

В ванной осторожно смыла кровь. Повреждение кожи оказалось небольшим, зато кисть напухла на глазах. Застегнуть рукав не получилось. Я прикрыла ссадину чистой салфеткой, взяла документы и вызвала такси.

Я позвонила в медицинский центр у остановки. Там принимали с такими травмами и велели приезжать сразу. Закрыв рабочую комнату, я вышла ждать такси.

В центре женщина за стойкой посмотрела на кисть и отложила бланк. Записала имя с моих слов, взяла документы и проводила к кабинету.

На двери было написано: «Мельников Антон». Врач поднялся из-за стола и придвинул стул.

— Садитесь. Предплечье положите сюда, руку не держите на весу. Расскажите, что случилось.

Я рассказала, как падала полка. Антон уточнил, сколько времени кисть была прижата и как я её освободила. Я следила за его лицом, надеясь услышать, что ничего серьёзного не произошло.

— Через сколько можно будет работать? — спросила я. — Я реставратор бумаги. У меня лист из альбома, осталось немного.

Он посмотрел на припухшую кисть, потом на меня.

— Сначала выясним, что с рукой. Срок я сейчас обещать не могу.

Мне стало неловко. Про руку он ещё не успел ничего сказать, а я уже пыталась договориться о возвращении к столу.

Антон снял салфетку и осмотрел ссадину. Попросил показать, где больнее. Когда коснулся основания указательного пальца, я дёрнулась. Он остановился и дал мне устроить предплечье удобнее.

Проверяя чувствительность, врач сравнивал обе руки. Я отвечала, одинаково ли ощущаю прикосновения, и пыталась следить за тем, что он делает. Пальцы были тёплыми, но сгибались плохо. По его просьбе я попробовала приблизить их к ладони; боль усилилась раньше, чем получилось закончить движение.

Антон попросил не заставлять себя и записал результат. Я оставила кисть на столе.

— Если ничего не сломано, я смогу хотя бы понемногу? — спросила я.

— Даже если перелома нет, пользоваться рукой как обычно пока нельзя. Сделаем снимок, потом решим.

В рентгеновском кабинете сотрудница помогла уложить кисть. Я выполняла указания и думала о лампе, которую утром сняла со стола. Если бы оставила её на месте, коробку пришлось бы переставить иначе. Меня попросили повернуть руку, и я с трудом это сделала.

Антон открыл снимки на мониторе. Я узнала очертания кисти, но разобраться в изображении не могла. Сидела, поддерживая правую руку левой.

— Перелома на снимках не видно, — сказал он. — Ушиб выраженный. Отёк и ограничение движений есть, поэтому сегодня руку берегите. Завтра покажитесь ещё раз.

— Именно завтра?

— Да. Хочу увидеть, как меняется состояние. После такого удара важно не пропустить ухудшение.

Антон дописал результат осмотра. От падения прошло чуть больше часа. Я рассчитывала, что к этому времени уже вернусь к альбому.

Медсестра обработала ссадину. Врач выдал рекомендации и объяснил, как беречь кисть. Я слушала, пока не стало понятно, что обычная работа пока откладывается. Тогда начала прикидывать, что получится сделать левой.

— Я могу работать другой рукой, — сказала я. — Правой буду только придерживать лист.

— Тогда она всё равно получит нагрузку. Переписка с заказчиком — одно, работа с материалом — другое.

Я объяснила, как удерживаю инструмент. Даже рассказывая, подалась правой рукой вперёд, чтобы показать, и остановилась от боли. Рабочее место можно было устроить иначе, но главное движение оставалось за этой кистью.

— У меня срок, — сказала я.

— Понимаю. Но обещать восстановление к нему я не могу. Заказчика лучше предупредить сейчас.

Антон объяснил, когда обращаться за помощью до повторного приёма. Я переспросила про ощущение в пальцах. Он вернулся к рекомендациям и дождался, пока я перестану смотреть на часы.

Я прочитала заключение, прежде чем убрать в папку. Моя рабочая рука теперь была описана в нескольких строках.

— Заключение и снимки сохраните, — сказал Антон. — Завтра сравним с сегодняшним осмотром.

Я взяла листы левой рукой. Он прижал край к столу, чтобы я смогла сложить бумаги, и только потом отпустил. У стойки мне назначили время на следующее утро и помогли внести его в телефон.

Дома полка всё ещё лежала на полу. Я обошла её, закрыла окно и остановилась перед рабочим столом. С утра было понятно, что делать дальше. Теперь даже передвинуть стул пришлось другой рукой.

Заказчику позвонила, чтобы не набирать длинное сообщение. Объяснила про травму и повторный осмотр.

— Значит, фотография сегодня отменяется? — спросил он.

— Да. Завтра после врача скажу точнее, сколько времени потребуется. Сам лист в порядке, я успела убрать альбом.

— Тогда пусть лежит. Не беритесь сейчас. Мне важнее получить его целым.

Я пообещала сообщить после приёма. Он не потребовал нового срока, но в переписке осталась дата, которую я предложила сама.

В банковском приложении проверила остаток. Заказ оплачивался в два этапа; вторую часть я собиралась получить после передачи листа. Пятнадцать тысяч на ежемесячный платёж за ремонт отложить можно было. На работу с окнами после этого оставалось меньше, чем я рассчитывала.

Пришлось снова позвонить мастеру. Он спросил, что сказал врач, и попросил пока не поднимать доску. Обещал на днях зайти, снять второй кронштейн и посмотреть раму.

— С окном подождём, — сказала я. — Пока не знаю, когда вернусь к заказам.

— Осмотр денег не стоит. Посмотрю, скажу, что нужно. Потом решите.

Я согласилась и положила тетрадь рядом с телефоном. Вчера обведённый номер был частью дела, которое я могла закончить за деда. Сегодня выяснилось, что для него тоже нужны деньги и две работающие руки.

Голод напомнил о себе, когда я складывала медицинские бумаги в папку. Достала еду из холодильника и села за стол.левой рукой есть получалось медленно. Один раз потянулась правой за стаканом и остановилась ещё до прикосновения.

Я устроила руку так, как показал врач, и села на диван. Читать мешала мысль о недоделанном листе. В коридоре шли часы, которые дед заводил по воскресеньям.

Я задремала и проснулась от сообщения. Мастер уточнял, когда можно зайти. На часах было начало седьмого. Ответив, отложила телефон и заметила, что кисть больше не пульсирует.

Сначала решила, что удачно устроила руку. Осторожно пошевелила пальцами. Они согнулись заметно свободнее, чем в кабинете. Я остановилась, подождала и попробовала ещё раз, без усилия. Боль возникла только ближе к концу движения.

Повязку не снимала. Видимая часть кисти была менее припухшей. Я различала привычные очертания суставов и сравнивала со здоровой рукой.

Хотелось проверить, смогу ли удержать инструмент. Я посмотрела на дверь рабочей комнаты и осталась на диване. Врач объяснил, почему отсутствие перелома не позволяет сразу работать. Ничего другого он пока не разрешал.

Я достала заключение и перечитала запись об отёке и ограничении движений. Утром она соответствовала моей руке; к вечеру пальцы сгибались иначе. Может быть, помог отдых. Мне хотелось верить, что завтра удастся вернуться к листу, но обещать заказчику ещё один срок я не стала.

В телефоне записала время, когда заметила перемену. Проверила завтрашний приём и положила папку в сумку. На рабочем столе всё оставалось на своих местах. До утра руку я берегла: пусть сначала Антон сравнит её с тем, что увидел сегодня.

Глава 2. Повторный осмотр

Утром второго сентября я застегнула пуговицы правой рукой и только на последней вспомнила, зачем собиралась в медицинский центр. Вчера для этого пришлось бы просить помощи или искать одежду без застёжек. Я разжала пальцы, поднесла кисть к окну и сравнила её с левой. Небольшая припухлость ещё оставалась, но под повязкой уже угадывались костяшки.

Я отогнула край повязки. Кожа возле ссадины выглядела спокойнее. При осторожном движении тянуло у основания указательного пальца. Проверять, сколько выдержит рука, я не стала и положила в сумку вчерашнее заключение.

В автобусе по привычке взялась правой рукой за поручень и ослабила хватку. Боли почти не было, хотя вчера приходилось беречь кисть от любого толчка.

В центре, пока ждала, перечитала запись в телефоне. Первые перемены заметила около шести, после сна. Хорошо, что записала: утром уже хотелось считать вчерашнюю боль преувеличенной.

Антон открыл дверь и позвал меня в кабинет. Я поставила сумку на стул и протянула руку, прежде чем он успел спросить о самочувствии.

— Сегодня лучше. Намного.

Он снял остаток повязки и сначала осмотрел кисть, затем попросил повернуть её ладонью вверх. Нашупал место, от которого вчера я отдёрнула руку. Теперь я выдержала нажатие, хотя короткое болезненное ощущение осталось. Антон повторил проверку осторожнее и посмотрел на меня.

— Здесь вчера болело сильнее?

— Да. И согнуть палец я почти не могла.

Он попросил показать движение. Я медленно согнула пальцы, оставив между ними и ладонью небольшой промежуток. Дальше пробовать побоялась и сказала об этом. Антон отметил это в карте, сравнил обе руки и осмотрел ссадину.

Он открыл вчерашние снимки, проверил фамилию и дату рождения, сверил время исследования. Я ждала, что найдётся простая ошибка. Но снимки были мои, а вчерашнюю руку он видел сам.

— Расскажите, что было после приёма. Сначала дорога домой.

Я рассказала, как поела левой рукой и легла поспать. Вечернее улучшение описала по записи в телефоне. На вопросы Антона ответила, что дополнительных средств не применяла и до утра оставила руку в покое.

Мне захотелось предложить объяснение: может быть, доска ударила вскользь и я больше испугалась. Но я помнила её тяжесть и усилие, с которым освобождала руку.

— Вчера отёк и ограничение движений были выражены, — сказал Антон. — Сегодня они заметно меньше. Такое быстрое улучшение я объяснить пока не могу.

— То есть с рукой всё хорошо?

— Состояние лучше. За ним ещё нужно понаблюдать.

Я опустила взгляд на кисть. Хотелось получить разрешение вернуться к столу и тем самым закончить эту историю. Антон, видимо, заметил, куда я смотрю, потому что попросил рассказать, что именно делаю при реставрации.

Я показала, как придерживаю документ, когда работаю кисточкой. Иногда удерживать бумагу приходилось долго, а переплёт требовал большего усилия. Пока можно было заняться фотографиями альбома. Антон согласился, если удастся обойтись без нагрузки на правую руку.

Антон объяснил, за какими изменениями следить. При возвращении боли или отёка следовало обратиться в центр. Тяжёлые вещи пока оставались под запретом. Мы договорились о дальнейшем наблюдении.

— Вчерашнее заключение тоже сохраните, — добавил он, возвращая папку.

— Я его взяла, чтобы вам показать.

— Теперь сохраните для сравнения.

Я убрала оба листа рядом. В новом отмечалось улучшение; почему оно произошло за ночь, оставалось неизвестным. Антон не предлагал догадок, и мне стало спокойнее.

Дома подошла к упавшей полке. Доска лежала у стены, а на коробке остался след от удара: угол смяло, крышка разошлась по сгибу. Под край этой же доски попала моя рука. Вчерашнее происшествие явно стоило воспринимать всерьёз.

Я сфотографировала место крепления полки для мастера и подвинула пустую коробку ногой, освобождая проход. Разбирать стеллаж могла позже, с его помощью.

Альбом лежал под защитным листом. Я проверила, не сдвинулось ли что-нибудь, и приготовила место для съёмки. Обычно хотелось быстрее перейти к самой бумаге, но сегодня фотографии были подходящей работой.

Телефон поставила на держатель левой рукой. Перелистывала альбом медленно, поддерживая страницу снизу. На третьем снимке заметила тень от лампы, переставила свет и вернулась к первой странице.

Клиенту отправила фотографии и написала, что руке лучше, но пока работаю без нагрузки. Он ответил, что дождётся. Срок по-прежнему сдвигался, зато теперь я могла показать, чем занимаюсь.

Кисть ещё немного ныла, и я остановилась, оставив несколько страниц на завтра. Накрыла альбом и записала время. Через полчаса неприятное ощущение прошло.

В перерыве достала домашние бумаги. Пятнадцать тысяч на платёж уже отложила, расход на окно оставался неизвестным. Дед держал свежие квитанции впереди. Мне предстояло разобраться в бумагах и самой вести учёт.

В бумаге о семейном займе на ремонт остаток составлял четыреста двадцать тысяч. Я сверила сумму и даты с платежами в телефоне. Платить по пятнадцать тысяч каждый месяц предстояло ещё долго; сейчас расчёты сходились.

За квитанциями лежал договор дарения дома, подписанный раньше, при живом деде. Он хотел заранее привести документы в порядок. Я жила здесь и собиралась устроить мастерскую в комнате с большим окном, поэтому согласилась.

Теперь перечитала договор целиком. В нём дед передавал мне дом, а я принимала его. О его смерти там ничего не говорилось. На следующем листе были сведения о зарегистрированном праве; собственником значилась я. С оформлением дома это согласовывалось, хотя после прощания все вокруг называли полученное наследством.

Я положила договор на стол и принесла домовую книгу. Медную застёжку пришлось потянуть. На последней заполненной странице стояла моя подпись от тридцать первого августа. Рядом была дедова, поставленная заранее. В тот день мне объяснили, что я принимаю хозяйство и подтверждаю семейную запись.

Два документа я подписала в разные дни и по разным поводам. В книге ссылки на договор не было. Разница пока не удивляла: семья могла хранить свою запись отдельно. Я сфотографировала страницу, чтобы позже спросить о ней точно.

О наследственном деле говорили после прощания. Я помнила обещание передать бумаги, когда закончат оформление, но среди квитанций таких документов не было. Перелистала папку до конца и проверила карман обложки. Там нашлась только старая записка с показаниями счётчика. Возможно, остальное ещё находилось у человека, который привёз книгу.

Я записала вопрос и вложила лист поверх договора. Передача хозяйства выглядела незавершённой: мне дали ключи и часть бумаг, а подробности предстояло уточнять.

От дедовой подписи взгляд уходил к краю стола, где он оставлял очки. После прощания я убрала их в ящик. Хотелось достать, но я закрыла книгу и вернулась к альбому.

Третьего сентября проснулась без боли в кисти. Записала это в телефон и снова начала с фотографий. Осторожность раздражала: рука слушалась, а я отмеряла работу небольшими промежутками. После второго устала спина, и я всё-таки сделала перерыв.

Мастер пришёл ближе к полудню. Проверил окно и крепление стеллажа, помог отставить коробки от стены. После его ухода я отправила размеры комнаты для расчёта. Материалы пока не покупала.

Я закончила съёмку и сравнила фотографии с прежними. Новых заломов в альбоме не появилось. Первое дело за два дня удалось завершить, и я отправила клиенту сообщение.

К вечеру кисть выглядела почти как до удара. Я сфотографировала её при том же свете, что утром, и поставила телефон заряжаться. Потом убрала бумаги в папку, оставив лист с вопросами сверху. Завтра собиралась позвонить насчёт недостающих документов. Сейчас хотелось поесть, пока хватало сил готовить.

Я поставила на плиту кастрюлю, когда в прихожей повернулся ключ. Сначала даже не удивилась: звук был знакомым, с короткой задержкой перед вторым оборотом. Дед всегда чуть подтягивал дверь к себе, чтобы замок не заедал. Я повернула голову, собираясь сказать, что сегодня мастер наконец посмотрел окно.

Ложка осталась у меня в руке. Из прихожей донёсся стук подошв о коврик, затем дверь закрылась. Я вышла из кухни и увидела деда. Он держал ключи и снимал куртку, зацепив рукавом крючок. Освободил ткань тем движением, которое я знала с детства.

На прощании я не видела его тела. Стало трудно вдохнуть. Я смотрела на лицо, ожидая заметить ошибку, но передо мной стоял дед. Выглядел он уставшим, ворот рубашки примялся под курткой.

— Нина, ты ужинала?

Он прошёл мимо меня на кухню. Я отступила, пропуская его, и только после этого поняла, что опять сделала привычное. Дед сел на свой стул у стены и положил ключи возле хлебницы. На плите начала шуметь вода.

— Есть что-нибудь готовое? Я с утра толком не ел.

Я поставила ложку на стол. Несколько секунд смотрела на его руку рядом с ключами. На запястье виднелась знакомая светлая отметина. Я подошла и взяла его за предплечье, потом передвинула пальцы к запястью. Под кожей бился пульс.

Дед позволил мне держать его руку. Я коснулась тёплой щеки, почувствовала щетину. Он повернул голову, и я отдёрнула ладонь, хотя сама хотела убедиться, что могу до него дотронуться.

— Ты живой.

— Да.

В кастрюле закипела вода. Я выключила плиту, не снимая кастрюли, и вернулась к столу. Дед следил за мной. Наверное, ждал, что я достану тарелку, и я уже потянулась к шкафу, прежде чем остановилась. Три дня назад мне передали его ключи. Я стояла перед закрытым гробом, слушала слова о прощании и пыталась запомнить их, потому что всё происходило быстро.

— Где ты был?

Он провёл ладонью по лицу и посмотрел на пустое место перед собой.

— Я объясню. Сначала мне нужно попросить тебя об одном.

— О чём?

— Верни то, что получила.

Я оглянулась на папку в соседней комнате. Договор лежал рядом с книгой и моими вопросами. Он произнёс просьбу так, словно вернулся за забытой вещью.

— Дом?

— Дом остаётся тебе. Речь о другом.

Он посмотрел на мою правую руку. Я убрала её со стола и села напротив, не доставая тарелки. Теперь мне хотелось, чтобы он тоже смотрел на меня.

— Сначала расскажи, где ты был, когда я с тобой прощалась.

Дед открыл рот и помедлил. Я придвинула к себе его ключи, освобождая место для папки, но вставать за бумагами не стала. Он сидел на своей кухне живой, а я ждала ответа на вопрос, с которого ему придётся начать.

Глава 3. Человек на кухне

Дед сидел напротив и ждал, пока я уберу руку с его ключей. Я чувствовала зубцы под пальцами и не могла решить, куда положить ключи. Ещё утром они были частью хозяйства, которое я приняла после его смерти.

— Я был за городом, — сказал он. — Мне нужно было несколько дней.

— А мне сказали, что ты умер.

Он посмотрел на выключенную плиту, потом опустил глаза. Я представляла последний разговор, которого у нас не случилось. Теперь дед был здесь, и прежние вопросы оказались ненужными.

— Я всё устроил, Нина.

Я отпустила ключи и попросила рассказать, что именно устроил. Дед начал с того, что дом давно оформлен на меня и отбирать его никто не собирается. Я дала ему закончить.

— Кто лежал в гробу?

— Там никого не было, — ответил он, потирая запястье.

Я вспомнила закрытую крышку и женщину, которая придержала меня за локоть, когда я подошла ближе. Тогда мне объяснили, что так будет лучше. Я согласилась, потому что считала: люди, говорящие уверенно, знают то, чего я не знаю.

— А урна?

— Песок.

Он ответил и убрал руку со стола. Пришлось сглотнуть, прежде чем я смогла продолжить. Урна стояла там, где её оставили после прощания. Я всё собиралась выбрать для неё место и откладывала, чувствуя себя виноватой за эту задержку.

Настоящей кремации не было. Дед подтвердил это, когда я спросила, и больше не пытался говорить о доме. Зато начал объяснять, что хотел избавить меня от тяжёлого ожидания. Если бы просто уехал, я искала бы его, звонила, отказывалась принять хозяйство. По его словам выходило, что он заранее устроил всё так, чтобы я могла продолжать жить.

Я вспомнила вечер после прощания. Трижды открывала телефон, чтобы спросить, где запасная лампа. Каждый раз приходилось понимать заново, почему звонить нельзя.

— Кто знал?

— Те, кто помогал.

— И те, кто говорил со мной там?

Он кивнул. Я вспомнила лица, но теперь не могла отделить жалость от старательно исполненной роли. Дед заметил, что я замолчала, и попросил не сердиться на них: решение было его, остальные только сделали, как он велел. Это не помогло. Каждый из них видел, что я верю.

Я встала за телефоном и остановилась. Звонить остальным могла позже. Сейчас объяснения должен был дать человек, который всё придумал.

Дед попросил воды. Я налила ему, потому что стакан стоял рядом, и села обратно. Он сделал несколько глотков, держась за край стола другой рукой. Мне было трудно смотреть на него: живого, уставшего, знакомого до последней привычки. Облегчение никуда не исчезло. От этого злость становилась ещё тяжелее.

— Ты мог сказать, что тебе нужна помощь.

— Тогда ты бы не подписала.

Он отвёл взгляд к окну. Я подождала, но он не поправил себя. Значит, всё было устроено ради подписи. После прощания мне принесли книгу домой и объяснили запись как обычную передачу хозяйства.

Я пошла за папкой. Сначала поправила защитный лист на альбоме: даже сейчас следила, как бы не задеть чужую работу.

Договор дарения положила перед дедом, книгу оставила у себя. Он потянулся к книге, но я накрыла обложку ладонью. Рука не заболела. Дед заметил это и перестал двигать пальцами.

— Скажи, что я подписала.

Он объяснил, что семейная запись передаёт свойство. В нашей семье его называли даром. Благодаря ему тело восстанавливается после повреждений и человек долго не стареет. Когда я поставила подпись и получила книгу, это свойство перешло ко мне.

О наследстве дед говорил уверенно. Здесь подбирал слова и следил за моим лицом. Его рассказ можно было принять за вторую ложь, но на столе лежала моя рука. За два дня она почти перестала отличаться от здоровой.

Я вытащила из сумки медицинские записи. Первого сентября Антон описал отёк и ограничение движений, второго отметил быстрое улучшение. Дед наклонился к листам, однако читать я ему не дала. Положила их рядом с книгой и спросила, знал ли он, что так будет.

О восстановлении он знал, про полку услышал впервые. Я рассказала коротко. Он попросил показать ладонь, как прежде, когда проверял ссадины после моего падения с велосипеда.

— Мне врач руку уже осмотрел.

Он откинулся на спинку стула. Я раскрыла книгу на последней записи и сравнила две подписи. Моя стояла там, где я её оставила. Дедова была выше; никто не пытался выдавать её за мою или писать от моего имени.

Он провёл пальцем возле своей подписи и сказал, что поставил её заранее. Человек, привёзший книгу, передал мне её по его поручению. Для записи оказалось достаточно, что мы оба подписали её сами, хотя сделали это в разное время.

— Но я согласилась принять хозяйство.

— Я знаю.

— Про это свойство мне не сказали.

Дед погладил край страницы, словно собирался разглядеть старый залом. Я отодвинула книгу. Объяснение о настоящих подписях отвечало на вопрос, как всё произошло, но от него оставалось неприятное чувство: я могла внимательно читать каждую строку и всё равно не узнать, на что соглашаюсь.

Он снова заговорил о возвращении. Нужно было сделать новую запись, после которой всё вернулось бы к нему. Книгу при этом следовало передать вместе с подписью. Я посмотрела на свободное место ниже наших имён. Его было достаточно, чтобы написать ещё несколько строк.

— Ты можешь взять её обратно и отменить запись?

— Просто забрать книгу недостаточно.

Я закрыла книгу и положила поверх медицинской папки. Хотелось закончить дело без новых соглашений, исправив эту запись. Но дед сказал, что сам отменить произошедшее не может.

На часах было больше девяти. Вода в кастрюле остыла. Дед повернул лежавшую на столе ложку ручкой к себе и спросил, можно ли хотя бы сделать чай.

Я встала и достала хлеб. Он поднялся помочь, но я попросила его сесть. Еду я могла приготовить. Подписывать ещё одну запись, пока не понимала первой, не собиралась.

Мы поели почти молча. Дед осторожно спросил, как продвигается заказ, и я ответила, что сроки сдвинулись после травмы. Дальше говорить о работе не хотелось. Он убрал тарелку в раковину и вытер стол возле стакана, оставив передо мной книгу.

На ночь унесла книгу в свою комнату и проверила, что в телефоне сохранилась фотография записи. Дед искал наволочку; я сказала, на какой полке она лежит, и закрыла дверь. Заснула, когда в коридоре погас свет.

Утром четвёртого сентября из кухни доносился стук ложки о чашку. Я лежала и слушала его несколько минут. Дед действительно вернулся. Никакого пробуждения, после которого вчерашний разговор исчез бы, не случилось.

Он сидел в кофте, хотя окно было закрыто. Раньше по утрам распахивал его сам и ворчал, что я боюсь свежего воздуха. Теперь чашку держал обеими руками. Когда я вошла, он попросил дать ему договор: хотел показать, что с домом всё в порядке.

Номер нотариальной конторы сохранился со времени дарения. Я дождалась начала рабочего дня и взяла телефон, положив рядом договор.

Дед видел, что я собираюсь звонить, и предложил всё объяснить сам. Я сказала, что его объяснение уже слышала. Он подвинул к себе чашку и больше не мешал.

Я назвала договор и спросила, относится ли он к наследству. Мне объяснили, что это отдельная сделка, совершённая при жизни дарителя и одаряемой. Смерть дарителя не была основанием передачи.

Я спросила о домовоей книге и прочитала формулировку возле своей подписи. Сотрудница уточнила, является ли она приложением к договору. Я проверила последние строки: такого приложения не было. О семейной записи в конторе ничего не знали и её мне подписывать не предлагали.

После звонка сверила адрес и своё имя в документах. Договор подтверждал, что дом мой. Семейной записи он не касался, и та подпись, которую я поставила у нотариуса, относилась только к недвижимости.

На вчерашнем листе с вопросами дописала, что прощание было инсценировано. Фраза выглядела чужой среди сумм и дат. Я прочитала её ещё раз и убрала лист.

Дед спросил, убедилась ли я насчёт дома. Я ответила, что убедилась насчёт договора, и показала страницу книги на экране телефона. Её смысл предстояло выяснять с ним.

Я принесла книгу и открыла запись. Дед смотрел на неё, не касаясь, и следил за моими движениями. Ждал, что я достану ручку.

Я оставила ручку в папке и показала ссадину. Она затянулась, след от доски побледнел ещё сильнее. Дед осторожно провёл пальцем рядом и отнял руку.

— Теперь это у тебя, — сказал он.

— А у тебя?

Он поднял чашку. На пальце у него виднелся небольшой порез, свежий, с неровными краями. Оказалось, вчера вечером он задел сколотую ручку другой чашки. Раньше, по его словам, к утру такой след уже исчез бы.

Сам по себе порез мало что доказывал. Но дед говорил о руке без обычной уверенности и держал палец в стороне от горячей чашки.

Он попросил закрыть дверь в коридор, потому что тянуло. Вернувшись к столу, я увидела, что он застегнул верхнюю пуговицу кофты. Раньше ему всегда было жарко.

Я спросила, не заболел ли он. Дед покачал головой: пока нет, но теперь мог. После передачи он остался без того, что защищало его тело.

Человек, который сам устроил прощание, теперь боялся простудиться на собственной кухне. Он рассчитывал вернуть прежнее состояние быстрее и сегодня смотрел на книгу с тревогой.

— Нина, я понимаю, что поступил плохо. Но мне нужно обратно.

Я перевернула страницу с нашей записью и посмотрела на предыдущие. В прежней записи заметила дату, на которую раньше почти не смотрела. Теперь она давала повод продолжить разговор, хотя читать всю книгу при деде не хотелось.

— Сначала расскажешь, что ещё передал.

Он сказал, что самое важное уже объяснил. Я вспомнила, как вчера он начал с дома, и оставила книгу открытой. Если бы я не спросила про гроб, он мог бы до сих пор рассказывать, как надёжно оформлена недвижимость.

Я попросила показать все условия, которые относятся к записи. Дед посмотрел на старые страницы и сказал, что часть придётся объяснять отдельно. Я закрыла книгу. Даже сейчас он не мог просто дать мне прочитать то, под чем хотел получить подпись.

Он спросил, согласилась бы я вернуть всё после объяснений. Я не обещала. Предстояло понять, как это связано с его возрастом и почему от меня скрывали семейное свойство.

Дед придвинул хлебницу: всегда замечал, когда я переставала есть. Я взяла хлеб, и он расслабился. Пришлось сказать, что завтрак не означает согласия.

После еды я убрала тарелки. Дед предложил помыть их, но задержался у раковины, разглядывая порез. Я дала ему другую чашку, целую, и попросила сколотую больше не брать. Заботиться о нём я всё ещё могла, хотя после признаний хотелось побыть одной.

В комнате я положила медицинские листы рядом с фотографией семейной записи. На отдельном листе написала вопрос о восстановлении руки, следом — о дедовом возрасте. По документам ему было семьдесят восемь, но рассказ о даре этого не объяснял.

Когда он подошёл к двери, я накрыла бумаги папкой. Сказала, что сегодня новых подписей не будет. Он посмотрел на книгу, но забирать её не стал. Я оставила её у себя, а папку положила в сумку, чтобы взять на следующий разговор.

Глава 4. Несколько поколений

Дед позвал меня в кабинет после того, как я убрала бумаги в сумку. Он открыл нижний ящик стола и достал плоскую коробку, обтянутую тканью. Я видела её раньше, когда искала старые квитанции. Тогда он сказал, что там фотографии, и попросил положить обратно.

Теперь поставил коробку передо мной и снял крышку. Сверху лежал конверт с его почерком. Бумага потемнела по сгибу, на клапане осталось пятно от клея. Дед взялся за край фотографии, и я попросила дать её мне, чтобы не вытягивать из конверта с усилием.

На снимке стоял мужчина в тёмном костюме, положив ладонь на спинку стула. Я узнала деда сразу, хотя причёска была другой и усы закрывали верхнюю губу. На обороте значились тысяча девятьсот одиннадцатый год и имя: Михаил Лебедев.

Я повернула снимок лицом вверх. Дед молча ждал. Мне захотелось спросить, кем ему приходился этот Михаил, но после вчерашнего рассказа вопрос уже выглядел попыткой отложить очевидное.

— Это ты?

— Да.

Я положила фотографию на чистый лист и достала следующую. Здесь дед сидел на скамейке возле дома с незнакомой женщиной. Снимок был меньше, края обрезаны неровно. На обороте стояло: «Сергей. 1956».

К фотографиям он приложил бумаги на оба имени. На документе Михаила подпись была похожа на дедову: длинный росчерк перечёркивал последнюю букву. В подписи Сергея сохранилась та же привычка.

Я сличила пометки на конвертах с записью в книге. Дед выносил хвост у буквы «д» далеко под строку. В старой записке, где чернила расплылись, он тоже был виден.

По одному взгляду установить подлинность даты я не могла: старую фотографию можно подписать позже. Продолжала сравнивать лица. На двух снимках у мужчины был тот же изгиб уха, который я знала с детства.

На фотографии две тысячи пятого дед стоял возле яблони, обняв бабушку. Галине тогда было шестьдесят пять. Я помнила, как она попросила его встать со стороны, где меньше солнца.

Я прикрыла ладонью усы на старом снимке. Нижняя губа чуть выдавалась вперёд. Дед сидел напротив с тем же выражением, ожидая, когда я закончу.

— По паспорту ты родился в сорок восьмом.

Он подтвердил, что в нынешних документах указан этот год. На мою просьбу показать настоящую дату достал другой лист. На нём стояло его прежнее имя — Семён Корнеев. Дед указал на запись и сказал, что родился двенадцатого марта тысяча семьсот восемнадцатого года.

Открыла калькулятор. Прочитала число на экране: триста восемь. Дед смотрел на телефон с таким видом, будто я проверяла давно оплаченную квитанцию.

— Ты сейчас опять что-нибудь от меня скрываешь?

— Я отвечаю, Нина.

Я собрала снимки вместе. Бумагу с невозможной датой могла бы отложить, но передо мной сидел дед. Моя рука зажала за два дня. Отмахнуться от его рассказа не получалось.

Дар он принял в тысяча семьсот семьдесят третьем, когда ему было пятьдесят пять. Передала его мать. Дед сказал это и остановился, пока я считала снова. Получалось, что после той передачи он прожил свыше двух с половиной веков, сохранив тело человека среднего возраста.

Сейчас его тело оставалось таким же. После подписи оно снова должно было стареть обычным образом, начиная с пятидесяти пяти. Прожитые годы не обрушивались на него за

одну ночь. Я посмотрела на лицо, на седину возле висков и вспомнила утреннюю кофту. Он боялся того, от чего прежде был защищён, хотя ещё вчера выглядел здоровым.

С моей стороны всё произошло иначе. Мне было двадцать восемь, и дед говорил, что дар удержит этот возраст. Я опустила глаза на подпись в книге. Когда ставила её, думала о платеже за ремонт и об окне, возле которого собиралась работать.

— А мама?

Дед понял вопрос не сразу. Я назвала её полным именем, словно это могло удержать разговор в границах знакомой семьи.

— Ирина была твоей дочерью?

— Моей. И Галины. Всё, что ты знала о нашем родстве, правда.

Имена в документах приходилось менять, семейные сведения переносить в новую биографию. Я слушала, но на бумаги смотреть не хотелось. Мама действительно была его дочерью, я — внучкой. Другого деда в этой истории не оказалось.

Галина знала, сколько ему лет. Ирина тоже знала о даре. Он сказал это, когда я спросила прямо, и я взяла фотографию возле яблони. Бабушка стояла под его рукой, улыбалась и чуть щурилась. Я всегда считала, что они прожили обычную жизнь, только дед выглядел моложе своего паспортного возраста.

В две тысячи восьмом бабушка умерла. Дед остался. Ещё через четыре года погибла мама, и я переехала к нему окончательно. Эти даты я знала без калькулятора. Теперь пыталась понять, когда они собирались рассказать мне то, что знали обе.

Дед сказал, что мама берегла меня от семейных забот, а после её смерти он не нашёл подходящего времени. Я вспомнила свои четырнадцать лет. Тогда мне хватало сил только ходить в школу и возвращаться в дом, где дед оставлял свет на кухне, пока я не усну.

Между тем годом и нынешним было достаточно вечеров, в которые мы могли разговаривать. Он помогал мне выбирать стол для работы и слушал, как я мечтаю о мастерской. Всё это время знал, что однажды передаст книгу.

— Ты решил за меня. Почему?

Он долго поправлял угол конверта, прежде чем ответить. Потом заговорил о Галине. В последние годы её жизни почти всё время проводил рядом, но помочь так, как помогал себе, не мог. Он пережил людей, с которыми начинал взрослую жизнь, и потом переживал их детей.

Я узнавала истории, которые принимала за рассказы о дальних родственниках. Дед помнил дома, которых я никогда не видела, и называл людей по именам, не поясняя, кем они ему приходились.

Мне стало жаль его, захотелось чем-нибудь помочь. Это чувство было знакомым: за ним обычно следовало согласие на то, о чём дед просил.

Я положила фотографию обратно на стол. Его потери не объясняли, почему он устроил мне прощание с живым человеком. Я сказала об этом, и дед замолчал. Он мог рассказать, от чего устал. Ответить, почему моя подпись досталась ему таким способом, оказалось труднее.

— Я думал, тебе будет легче принять всё сразу.

— Мне даже не дали понять, что я принимаю.

Он посмотрел на мою руку. Ссадина уже почти исчезла, и он мог показать её как пользу своего решения. Я убрала ладонь с книги. На последнем приёме я хотела быстрее вернуться к работе. Теперь хотелось хотя бы знать, что ещё произойдёт со мной после его подарка.

Дед объяснил, что в нашей семье дар находится у одного человека. Передав его мне, он перестал им обладать. На двоих разделить это свойство нельзя. Вернуть его можно новой передачей, и без моей подписи она не произойдёт.

Я попросила убрать ручку. Он положил её в ящик. Фотографии разрешил снять вместе с датами, хотя торопился закончить.

К обеду мы вышли из кабинета. Мастер отодвинул коробки от стены, но упавшая доска осталась возле окна. Я решила освободить проход.

Я взялась за край доски левой рукой. Дед начал было говорить, что правую следует беречь, и я ответила, что помню. Край удалось приподнять, но дальше доска не пошла. Я смешила хватку, согнула колени и попробовала ещё раз. Плечо напряглось, доска царапнула пол.

Дед попросил остановиться. Я опустила край и разогнулась, чувствуя, как тянет спину. Почему-то после разговора о возрасте и заживлении мне казалось, что обычное домашнее дело должно теперь даваться проще.

— Сильнее ты не стала, — сказал он. — Руку всё равно можно повредить. И болеть будет.

Доска придавила кисть, и боль была настоящей. Сегодня я всё ещё не могла поднять её одна. Заживление не делало новую травму пустяком, поэтому доску оставила на полу.

Я подвинула пустую коробку ногой, дед отнёс крышку в прихожую. Доску решили оставить мастеру, когда придёт крепить полку.

Я вымыла руки и приготовила обед. Кисть двигалась свободно, зато хотелось сесть. После плохо проведённой ночи и утреннего разговора я устала, как после целого дня за столом. Ела быстро, пока не заметила, что дед отодвинул тарелку и смотрит на меня.

Я спросила, придётся ли всегда отдыхать после работы. Он подтвердил: дар помогал телу восстанавливаться, но усталость оставалась, как потребность в еде и сне. Я попросила хлеб и доела.

После обеда проверила страницу в альбоме и снова накрыла защитным листом. Со здоровой рукой можно было работать, но из-за усталости я рисковала испортить бумагу. До завтра альбом оставила.

Дед заглянул в комнату и спросил, нужна ли помощь с расходами. Я показала лист с остатком займа. Он прочитал сумму, сказал, что семье помогут с ремонтом, и замолчал, когда я спросила, кто именно поможет.

Дед собирался сообщить другим людям о моём окне и деньгах. Я попросила ничего от моего имени не обещать.

— Уже знают, — сказал он.

— Что знают?

Он вернулся к кухонному столу и сел. Я принесла книгу, но оставила её закрытой. Дед смотрел на застёжку, потом сказал, что передал мне не только защиту. С ней были связаны семейные обязанности.

Я ждала продолжения. Он заговорил о взаимной помощи родственников, и я напонила, как вчера он начал с дома. Об обязанностях спрашивала ещё утром. Дед признал, что есть союз семей и что мою передачу уже учли.

Телефон коротко завибрировал. В сообщении Вера Корнеева представилась и написала, что придёт завтра в одиннадцать обсудить принятие семейных дел. Следом спросила, дома ли Семён. Я повернула экран к деду.

Он прочитал и поправил чашку на столе. Ни вопрос о нём, ни время визита его не удивили. Я попросила объяснить, почему незнакомая мне женщина знает, что он жив и находится здесь.

Дед сказал, что Вера ведёт общие дела, знает о передаче и объяснит условия союза. Его самого она знает давно. На этом он остановился, передавая разговор человеку, который ещё не пришёл.

Я перечитала сообщение. Вера не спрашивала, удобно ли мне завтра. Я написала, что буду дома в одиннадцать, и попросила принести условия, относящиеся к моей записи. Затем убрала телефон и открыла книгу на последней странице. Дед сидел напротив, но ручку из ящика больше не доставал.

Глава 5. Ремонт за счёт семьи

К одиннадцати я освободила кухонный стол и положила на него папку с домашними бумагами. Книгу оставила в комнате. Дед сидел у окна в своей застёгнутой кофте и следил, как я убираю хлебницу. Он предложил поставить чайник, но я сначала хотела узнать, зачем к нам идёт Вера.

Она пришла в назначенное время. Я открыла калитку и увидела женщину с небольшой сумкой через плечо. Выглядела лет на пятьдесят. Она представилась, спросила, удобно ли посмотреть комнату, где я работаю, и обратилась к деду.

Дед встал ей навстречу. Они обменялись приветствием, и Вера повернулась к двери моей комнаты.

Я провела её внутрь. Вера дождалась, пока я отставлю стул, и подошла к окну. Спросила, где заедает створка, и я указала на нижний край.

Вера посмотрела на доску возле стены. Я рассказала, как упала полка и придавила руку, показала фотографию крепления.

Она сказала, что возвращать полку на старое место нельзя. Мастер должен проверить стену и подобрать крепление под нагрузку. Я ответила, что он уже приходил и готовит расчёт. Вера попросила передать ей смету, когда она будет готова.

— Оплатим из общего фонда. Окно тоже.

Пока я выбирала, какую часть ремонта отложить, она предложила решить обе задачи. В комнате стало бы теплее, коробки ушли бы с пола. Я могла бы спокойно работать.

— Это ещё один заём?

— Помощь на обустройство рабочего места. Возвращать её не нужно.

Клиентов здесь я пока не принимала. Вера предложила после ремонта разместить документы так, чтобы посетитель мог сесть, не задевая коробок.

Вера говорила о помещении так, будто моя работа заслуживала нормального места. Я показала альбом, не снимая защитного листа. Она спросила о сроках и оплате.

У союза были бумаги, требовавшие восстановления. Нужна была оценка состояния, после которой можно определить объём работы. Она предложила мне посмотреть образцы и назвать цену. Я спросила, кто будет заказчиком и как оформляется оплата.

— Отдельно по каждому заказу, — сказала Вера. — Сначала увидите материал. Чужое обещание вам подписывать не придётся.

Мне понравилось, что она не называла работу пустяком. Хотела сначала узнать, что потребуется, и была готова ждать оценки.

Мы вернулись на кухню. Я налила чай и поставила перед ней чашку. Дед подвинул хлебницу поближе, словно разговор о ремонте уже вернул дому привычный порядок. Вера достала папку, положила её перед собой и спросила, сколько осталось по займу.

Я показала последнюю запись. Четыреста двадцать тысяч, по пятнадцать тысяч в месяц. Она сверила сумму со своим листом. По её словам, график сохранялся. Новый ремонт не добавлялся к старому долгу, если расходы согласуют заранее.

Я попросила заказать только расчёт. Вера сделала пометку и закрыла лист с суммой. Дед сказал, что это разумно, но сразу добавил: с ремонтом тянуть нельзя. Я напонила ему, что доска останется у стены до прихода мастера.

Вера вернулась к бумагам союза. Сначала речь шла о нескольких повреждённых делах, затем о том, кто будет следить за всем архивом. Я заметила перемену, когда она спросила, сколько дней в неделю смогу приезжать в дом союза.

— Для оценки хватит одной встречи, — сказала я. — Дальше зависит от состояния документов.

— Я говорю о постоянной работе.

Она объяснила, что архиву нужна хранительница, способная принимать новые дела и выдавать старые по запросам. Реставрацию можно оплачивать отдельно. Повседневное ведение архива считалось семейной обязанностью, и Вера рассчитывала передать его мне.

Вера подвинула ко мне описание обязанностей, оставив место для книги. Утром я собиралась услышать условия записи, а теперь обсуждала будущую работу.

Книгу я не принесла. Прочитала строку о выдаче дел и спросила, что произойдёт, если в этот день у меня назначена встреча с клиентом. Вера ответила, что обычные запросы можно планировать, но иногда документы понадобятся срочно.

Срочность следовало определять по семейным делам. Приезжать пришлось бы и в те дни, которые я заранее оставила для своих заказов. Я провела пальцем по строке и прикинула дорогу: до дома союза около получаса, потом работа, потом путь обратно. Для альбома могло не остаться нужного времени.

Дед заметил, что мне полезно выйти из дома. Сказал это доброжелательно, как раньше предлагал прогуляться после долгого дня за столом. Я посмотрела на него. Он видел, что я читаю про обязательную доступность, и обсуждал только прогулку.

— Я не соглашалась вести архив.

— Семён передал вам семейную запись, — сказала Вера, дождавшись, пока дед перестанет размешивать чай. — С ней переходят обязанности.

Я попросила показать, где они изложены. Она объяснила, что общие условия хранятся в союзе, а здесь мы обсуждаем, какую работу я могу выполнять. Должность ещё предстояло оформить. О принятии самой записи, по её словам, вопроса уже не было.

Вера не присутствовала, когда мне объясняли, что я принимаю хозяйство. Теперь ссылаюсь на запись так, словно все условия я прочитала заранее.

— А если я откажусь от должности?

Она ответила, что работу придётся распределять иначе. Затем открыла лист с расходами. Фонд помогал семье деда прежде и готов был помогать мне сейчас. Для этого другие люди выделяли деньги и время. Вера хотела понимать, на какое участие могла рассчитывать с моей стороны.

Сумма старого займа лежала перед нами. Я посмотрела на неё и вдруг поймала себя на попытке подсчитать, сколько работы должна предложить, чтобы заслужить ремонт окна. Доску мне нужно было убрать в любом случае. Платёж тоже предстоял независимо от разговора.

Я вернула лист с обязанностями Вере. Помощь с расчётом ремонта можно было обсудить, а постоянную работу я принимать не готова. Она убрала лист, но папку оставила открытой.

Дед сказал, что мы все делаем что-нибудь для семьи. Я попросила его назвать собственные обязанности. Он ответил, что много лет занимался общими делами и теперь хотел отдохнуть. О том, сколько времени уйдёт у меня, говорить не стал.

Вера напомнила о ежегодном подтверждении тринадцатого октября. Мне нужно было явиться, поскольку теперь запись относилась ко мне. Я записала дату рядом с вопросами, чтобы позже уточнить, что именно подтверждается.

— До октября есть время, — сказала она. — Архивные дела желательно рассмотреть раньше.

Я спросила, означает ли это, что до собрания нужно принять должность. Она ответила, что на встрече речь пойдёт о делах архива. По тому, как Вера закрыла папку, я поняла: сегодняшний разговор она считала достаточной подготовкой.

Помощь с ремонтом была нужна. Но теперь даже просьбу прислать смету могли принять за начало соглашения, условий которого я не знала.

Провожая её, я сказала, что расчёт мастера пришлю после получения. Заказывать ремонт без отдельного обсуждения пока не нужно. Вера повторила это своими словами и сделала запись в телефоне. Я дождалась, чтобы она закончила, затем открыла калитку.

После её ухода дед остался в прихожей. Он сказал, что с Верой можно договориться, если спокойно объяснить свои обстоятельства. Я сняла с вешалки его шарф, упавший на пол, и отдала ему. Обстоятельства я уже объясняла человеку, который заранее знал о моей работе.

На кухне остались следы от чашек. Я вытерла стол и положила на освободившееся место договор займа. Рядом достала лист с вопросами. В нём появилось тринадцатое октября, но самих условий по-прежнему не было.

Я разделила записи. Остаток займа переписала вместе с ближайшим платежом. На другом листе отметила, что смету ещё не получила и новую помощь не принимала. Дед стоял у двери и смотрел, как я пишу.

Мне хотелось сказать ему, что он должен был объяснить всё до подписи. Я уже говорила это, и очередное повторение ничего бы не добавило. Вместо этого спросила, знал ли он заранее, что меня собираются поставить к архиву.

Он ответил, что Вера искала замену давно. Моей работой с бумагой интересовалась ещё до передачи. Я положила ручку. Получалось, что незнакомая женщина успела обсудить мои навыки с дедом раньше, чем познакомилась со мной.

В половине третьего пришло сообщение. Вера уведомляла меня о рассмотрении дел общего архива седьмого сентября в пятнадцать часов. Ниже были указаны мои имя и фамилия, адрес дома союза — Набережная, четырнадцать — и её имя как отправителя.

До встречи оставалось чуть больше двух суток. На понедельник была запланирована работа с альбомом. Я собиралась написать Вере, что время нужно согласовать.

В груди появилось неприятное давление. Я выпрямилась, расстегнула верхнюю пуговицу и сделала несколько вдохов. Боли не было, но ощущение не исчезало. Телефон лежал на столе, экран ещё светился.

Дед спросил, что она написала. Я показала ему. Он прочитал сообщение и посмотрел в сторону моей комнаты.

— Книгу проверь.

Я принесла её и открыла страницу с последней записью. Возле моего имени появилась отметка, похожая на короткую черту, загнутую на конце. Она была темнее старых чернил. Я поднесла страницу к свету и осторожно наклонила, не касаясь бумаги.

На фотографии, сделанной раньше, этого знака не было. Я увеличила снимок в телефоне, сравнила край строки и место возле подписи. Страница совпадала, отметка появилась позже.

Дед сказал, что вызов внесли в общий архив. Запись в нашей книге связана с ним. Я посмотрела на дверь: Вера ушла несколько часов назад, после её ухода книгу никто при мне не открывал. Теперь её сообщение сопровождалось изменением на странице, которое я могла показать и сохранить.

Я сделала снимок. Давление в груди оставалось, но ходить я могла. Подошла к окну, вернулась к столу. Ощущение не изменилось.

Дед предложил ехать и разобраться на месте. Я спросила, почему решение о моём времени приняли без меня. Он ответил, что такие вопросы всегда рассматривали в доме союза. На вопрос, что будет при отказе, сказал только, что лучше до этого не доводить.

Я оставила книгу открытой и записала время получения сообщения. На снимке сохранилась новая отметка, в телефоне — адрес и повод встречи. Согласия принять должность я не давала. На седьмое сентября работу с альбомом пока оставила в плане: ехать только потому, что мне назначили время, я не собиралась.

Глава 6. Двор союза

Седьмого сентября после обеда я вернулась к альбому и поставила телефон так, чтобы видеть время. Вера назначила встречу на три. До дома союза можно было добраться за полчаса, но сумку я оставила в прихожей и переодеваться не стала.

За выходные рука восстановилась. Ссадина исчезла, пальцы двигались свободно. Давление, появившееся после сообщения, иногда отвлекало, однако работать до сих пор не мешало. Я несколько раз выходила из дома, ходила в магазин и возвращалась без новых ощущений. Дед следил за мной, но говорить о вызове избегал.

Дед прошёл по коридору и задержался у двери моей комнаты. Смотреть на него не стала. Проверяла страницу, стараясь удержать внимание на бумаге.

В три часа на экране сменились цифры. Я ещё раз сравнила положение листа с фотографией. Ничего не произошло. За окном проехала машина, дед кашлянул в коридоре. Мне захотелось спросить, можно ли наконец перестать ждать, но я взяла кисть.

Через несколько минут пальцы ослабли. Кисточка наклонилась, и я успела отвести её от альбома. В груди сжалось, затем заболело под рёбрами. Я положила инструмент на подставку и опёрлась ладонями о край стола.

На телефоне было пятнадцать ноль четыре. Я накрыла страницу защитным листом. Пришлось делать это медленно: руки дрожали, и угол бумаги всё время уходил в сторону. Когда закончила, попыталась встать, но ноги подогнулись. Я села обратно, подтянув стул к столу.

Дед вошёл, посмотрел на меня и остановился.

— Началось.

Я подняла голову. Дед знал, чего я дождусь, и всё это время ходил рядом.

— Ты знал, что будет больно?

— Знал. Надеялся, ты всё-таки поедешь.

Я попросила принести воду. Пока он ходил на кухню, записала время и коротко описала, что чувствую. Телефон пришлось положить на стол: держать его становилось трудно. Боль не отпускала, сколько бы я ни меняла положение.

Дед сказал, что это происходит после пропущенного вызова. Нужно прибыть в дом союза. Я спросила, можно ли перенести встречу, если человеку плохо. Он ответил, что подтверждённая невозможность приехать по состоянию здоровья требовала переноса, но о ней следовало сообщать. Обычная слабость от опоздания, по его словам, поводом не считалась.

Эту часть он тоже мог рассказать раньше. Я посмотрела на открытую книгу возле лампы. Отметка оставалась на месте, а из-за моего решения не ехать сейчас нельзя было продолжать заказ.

Я попросила вызвать такси и собрать сумку, положить книгу отдельно от медицинских листов. Дед завернул её в чистую хлопчатую ткань и отнёс в прихожую.

Когда вернулся, я попросила поехать со мной. Он согласился быстро, как будто ждал хотя бы этого разрешения. Я добавила, что дорога вместе не отменяет вопроса о том, почему он снова промолчал. Дед взял куртку и больше ничего не сказал.

До машины дошла, держась за деда. Адрес сверила с сообщением. Пока ехали, смотрела на время и отмечала, меняется ли боль.

Она оставалась. На поворотах приходилось крепче держаться за сиденье. Дед предложил открыть окно, но я попросила оставить как есть. Мне хотелось, чтобы он хотя бы сейчас выполнял то, о чём я прошу, без собственных улучшений.

У дома союза мы вышли почти через полчаса. Дед заплатил водителю и взял сумку. За оградой виднелся двор с узкой дорожкой к крыльцу. Калитка была закрыта на обычную защёлку. Рядом с ней стоял мужчина, который открыл нам, услышав фамилию.

Он представился Денисом. Взглянул на деда, затем отступил, пропуская меня. Я поставила ногу на дорожку и почувствовала, что давление под рёбрами ослабло. Сделала ещё шаг. Боль оставалась, но уже позволяла выпрямиться.

Денис придерживал калитку. Мимо нас вышла женщина с пустой коробкой, попросила деда немного подвинуться и понесла её к машине. Я проводила её взглядом. Ничего необычного в самом дворе не было: у стены стояла скамейка, возле крыльца сохли следы от недавно вымытого пола.

Из дома вышла женщина с журналом под мышкой. Она заметила, что я держусь за ограду, и предложила сесть. Дед назвал её Лидией, она сама добавила фамилию — Белова. На вид ей было чуть больше сорока. Вера, сказала она, скоро спустится.

Лидия принесла воду. Пока я пила, положила журнал на скамейку и нашла нужную страницу. Листы были заполнены мелким почерком.

Я спросила, почему боль уменьшилась. Лидия ответила, что я прибыла по вызову. Затем попросила назвать время входа. Я посмотрела на телефон и сказала ей. Она записала его, сверив мою фамилию с листом, вложенным в журнал.

Я поставила стакан и пошла проверить, вернётся ли боль за оградой. Денис открыл калитку, решив, что мне нужно что-нибудь взять из машины.

Ногу удалось поднять, но перенести за порог я не смогла. Мышцы голени сжались. Я ухватилась за створку и попробовала ещё раз, повернувшись боком. Боль под рёбрами усилилась, колено согнулось, пришлось отступить на дорожку.

Денис подал мне руку. Я отпустила калитку и вернулась к скамейке. За оградой женщина закрыла багажник, прошла обратно и попросила Дениса помочь с другой коробкой. Он вышел к машине. Дед тоже шагнул на улицу, затем вернулся, не задержавшись у порога.

Я смотрела на место, через которое только что не сумела пройти. Зашёлка не мешала, створка была открыта. Остальным хватало обычного шага.

— Я не могу выйти, — сказала я Лидии.

Она подвинула ко мне стакан.

— Пока вызов не закончен. Ваше присутствие нужно зарегистрировать и рассмотреть указанный вопрос.

Я показала время на телефоне. Лидия повернула журнал ко мне: она уже записала, когда я пришла, но в соседней графе, предназначенной для завершения, ничего не стояло.

Из дома появилась Вера. Она посмотрела на журнал и попросила Лидию принести архивную папку. Я сказала, что сначала хочу знать, как выйду со двора. Вера ответила, что для этого нужно закончить рассмотрение дел общего архива — именно оно было указано в сообщении.

Дед сел, поставив сумку между ног. На калитку не смотрел. Расспросить о его прежних вызовах могла позже; сейчас нужно было выйти самой.

Я попросила объяснить срок. Лидия сказала, что один вызов не мог удерживать во дворе больше суток. При этом ждать окончания суток не требовалось: после регистрации и рассмотрения заявленного вопроса ограничение прекращалось.

Я сверила её слова с записью. В журнале поводом значились дела общего архива. Согласия занять должность там не было. Я попросила показать Вере, что прибытие уже зарегистрировано, и открыть рассмотрение.

Лидия поднялась, забрала журнал и пошла к небольшому столу возле стены. На её место сразу легла новая папка, которую вынес Денис. Из неё выскользнул лист; Лидия подняла его, вставила обратно и только потом передала журнал Вере.

Я взяла сумку у деда и достала книгу. Положила её на край стола, оставив застёжку закрытой. Вера раскрыла папку с описанием архивной работы. Этот лист я уже видела у себя на кухне.

Она начала с дел, которые нуждались в восстановлении. Часть бумаги пострадала от хранения, работу предстояло оценить. Вера хотела понять, смогу ли я сначала осмотреть документы, а затем помочь организовать их выдачу.

Я попросила отделить реставрацию от постоянной работы. О состоянии бумаги можно было говорить после осмотра. Принимать должность я не собиралась. Вера отложила верхний лист, но напомнила, что архивные обязанности всё равно нужно распределять.

Лидия стояла у стола, придерживая журнал локтем. Вера спросила у неё о нескольких делах, и она назвала место на полке без проверки. Затем Денис принёс ещё одну бумагу. Лидия прочитала её и потянулась к ручке, не выпуская первой папки.

Мне стало понятно, чьё время предстояло заменить моим. Каждый вопрос рядом со столом сразу становился работой Лидии. Пока мы обсуждали обязанности, она закончила очередную запись.

Вера предложила пройти внутрь и посмотреть материалы. Я не хотела оставлять разговор незавершённым, чтобы потом услышать, будто продолжение зависит от моей подписи. Спросила, нужно ли для выхода согласиться работать, и попросила ответить прямо.

— Для окончания этого вызова — нет, — сказала Вера. — Мы должны рассмотреть архивный вопрос.

— Тогда запишите, что предложение рассмотрено. Должность я не принимаю. Для реставрации нужны образцы и отдельные условия.

Лидия раскрыла журнал и положила перед Верой. Я ждала. Дед поднялся, переставив сумку к себе, но уходить ещё было рано.

Вера спросила, готова ли я хотя бы дать предварительное заключение по описанию повреждений. Я прочитала приложенный лист. Там было указано, что страницы слиплись после намокания, на некоторых краях остались разрывы. По такому описанию обещать результат было нельзя.

Я сказала, что закрытую папку нельзя просто раскрыть силой. Сначала следует осмотреть состояние бумаги, определить, как безопасно разделять листы. Назвать цену и срок без образцов я не могу. Лидия записала это как предварительное мнение, затем перечитала мне формулировку.

Никакого согласия на заказ в ней не было. Я попросила так и оставить. Вера взяла ручку, поставила подпись возле записи о рассмотрении и вернула журнал Лидии.

Давление исчезло не сразу. Сначала отпустило под рёбрами, потом я заметила, что больше не сжимаю ладонью край стола. Пальцы устали, но слушались. Лидия записала время завершения и показала мне обе заполненные графы.

Я сфотографировала страницу с разрешения Лидии. Затем попросила копию условий моей семейной записи и правил вызова. Вера сказала, что их подготовят отдельно. Сейчас дала лист с описанием архивной работы. Я проверила, что на нём нет моей подписи, и убрала в папку.

Я застегнула книгу и положила в сумку. Лидия принимала у Дениса следующий документ. Замечание о слипшихся страницах она тоже успела записать.

Я попросила её сохранить и мой запрос об условиях. Она записала его рядом с временем завершения. Вера стояла возле стола; ждать ещё одного обсуждения я не собиралась.

У калитки я остановилась. Денис открыл её и отошёл. Я держалась за ремень сумки, чтобы не цепляться заранее за створку. Перенесла правую ногу через порог, поставила на тротуар, затем сделала второй шаг.

Боли не было. Дед вышел следом. Я отошла от ограды и только тогда позволила ему взять сумку. Ноги дрожали от усталости, хотелось сесть, но возвращаться на скамейку во дворе я не стала.

По дороге домой предупредила клиента, что сегодня работу продолжить не смогу. Записала в телефоне время начала приступа и время выхода. Завтра собиралась к Антону. Дома альбом остался под защитным листом, а в папке рядом с медицинскими записями появились фотография журнала и описание работы, на которую я не соглашалась.

Глава 7. Что видит врач

Восьмого сентября я пришла в центр с книгой и папкой, в которой медицинские записи лежали рядом с фотографией архивного журнала. Утром боли уже не было. Телефон положила в наружный карман, чтобы быстрее найти вчерашние заметки.

Антон спросил, что случилось после последнего осмотра. Я положила перед ним лист со временем приступа. Начать с него было проще, чем с вернувшегося деда.

Я рассказала, как в пятнадцать ноль четыре стало трудно держать кисть. Показала запись о боли под рёбрами и слабости в ногах. Врач уточнил, что я делала перед этим, принимала ли лекарства и случалось ли похожее раньше. Я ответила, что работала с альбомом, а давление впервые почувствовала пятого сентября, после сообщения.

Антон сравнил сообщение с моей записью. Я рассказала, как во дворе стало легче, но выйти через калитку не смогла. Слышала, насколько странно это звучит в кабинете врача.

— Что именно мешало выйти? — спросил Антон.

Я объяснила, как сжалась голень. Повторить шаг пыталась дважды, тогда как дед прошёл свободно. Антон записал ощущения, не подбирая для калитки медицинского названия.

На фотографии журнала было отмечено время прибытия и завершения рассмотрения. Я объяснила, что после второй записи боль отпустила, а за ограду вышла сама.

— Вы обратились туда, потому что стало плохо?

— До этого я решила не ехать. Время назначили без меня.

Антон посмотрел на дату сообщения. Вызов пришёл больше чем за двое суток до встречи, и до назначенного часа я могла выходить из дома. Он уточнил, была ли боль до этого. Я ответила, что ощущала давление, но работать и ходить могла.

Затем пришлось рассказать о книге. Я открыла запись с двумя подписями, показала фотографию страницы до появления отметки и новый снимок. Антон сравнил их. Черта возле моего имени теперь была видна и на бумаге.

Я объяснила, что подписала принятие хозяйства после прощания с дедом. А через три дня он пришёл домой и попросил вернуть полученное. Дом оказался отдельным дарением. В семейной книге, по его словам, передавалось свойство, которое восстанавливает тело и сохраняет возраст.

Антон поднял глаза. Я приготовилась рассказывать, как проверяла дедов пульс, но он спросил, что мне объяснили перед подписью.

— Что я принимаю домашние дела. Про восстановление руки я узнала позже.

Он попросил уточнить дату. Я назвала тридцать первое августа. Травма произошла на следующий день. Эти события я уже связывала между собой, хотя ещё неделю назад считала книгу частью домашних бумаг.

Антон осмотрел кисть. Я согнула пальцы, повернула ладонь, выдержала осторожное нажатие там, где первого сентября было больно. Ссадина исчезла. Он сравнил сегодняшнее состояние с предыдущими записями и некоторое время смотрел на снимки.

Я ждала объяснения, которое обойдётся без союза и дедовых трёхсот лет. Антон закрыл изображение, оставив перед собой карту.

— Быстрое восстановление я наблюдал сам. Вчерашнего приступа не видел. Сейчас мы можем проверить ваше состояние и сохранить последовательность событий.

Он измерил давление, выслушал меня и уточнил, осталась ли слабость. Я сказала, что ночью спала плохо и до сих пор устаю быстрее обычного. Боли сейчас нет. Он внёс это в запись и предложил сделать ЭКГ; о дальнейших обследованиях договорились решать по результатам осмотра и первых исследований.

Я спросила, можно ли узнать, что именно перешло ко мне. Антон посмотрел на книгу. Анализа, который подтвердил бы такое свойство, он предложить не мог. Рассказ деда давал возможную связь между событиями, но проверять её ещё предстояло.

Мне было легче слушать, когда он говорил так. В доме союза каждый уже знал, кем я стала и куда должна приходить. Здесь оставалось место для того, чего мы пока не понимали.

Антон придвинул чистый лист. Я разложила бумаги по времени, начав с договора дарения. Его дата была раньше записи в книге.

Он записал дарение отдельно. Потом мы отметили передачу книги. Под этой датой я показала обе подписи: дед поставил свою заранее, я — при получении. Подпись за меня никто не подделывал. Проблема была в том, что содержание записи мне объяснили иначе.

Вечернее улучшение после удара доски Антон отметил по моим словам, повторный осмотр — по своей карте. Мне не пришлось доказывать, что рука действительно распухла.

Возвращение деда я тоже записала отдельно. Показала старую фотографию, сохранённую после разговора с дедом, и снимок две тысячи пятого года. Рассказала, что сравнивала лицо и почерк. Подлинность всех исторических дат установить сама пока не могла.

Антон вернул телефон: для проверки возраста нужны документы с понятным происхождением. Сходства на снимках не хватало, чтобы верить каждой дедовой фразе.

Приступ седьмого сентября записали отдельно от уведомления Веры, как и вход во двор. Я проверила время по телефону.

На листе стало видно, где есть подтверждение, а где приходится опираться на рассказ. Руку осматривал врач. О многовековой жизни и передаче свойства говорил дед.

Антон спросил, собираюсь ли я возвращать свойство ему. Я посмотрела на руку. С ней можно было снова работать, и мысль о том, что травма зажила так быстро, всё ещё радовала. Удерживать бумагу было привычнее, чем обсуждать, сколько лет останется моему телу.

— Я хочу, чтобы меня перестали вызывать так, как вчера. Что делать с самим даром, ещё не знаю.

Антон кивнул и оставил вопрос открытым. Не сказал, что нужно сначала вернуть книгу, чтобы он мог помочь. Мне хотелось остаться в кабинете ещё ненадолго, хотя приём уже подходил к концу.

Я рассказала о Лидии. Она записала прибытие и объяснила, когда ограничение прекращается. Во время разговора с Верой продолжала принимать бумаги, а потом внесла мой запрос об условиях. Я спросила, можно ли обсудить с ней вчерашний приступ вместе.

Антон сказал, что сначала спросит её разрешения. Он знал, как с ней связаться, но подробностей пока не объяснил.

Мы договорились, что ей можно сообщить о моей руке и вчерашнем вызове. Про инсценированное прощание рассказывать я не хотела. Антон уточнил границы ещё раз, затем вышел из кабинета позвонить.

Пока ждала, я убрала договор обратно в папку. На листе с последовательностью остались даты, которые можно было показать другому человеку, не пересказывая всю семью. Я сфотографировала его и положила рядом с медицинскими записями.

Антон вернулся и сказал, что Лидия согласилась поговорить. Она разрешила передать мне свой номер, а также сообщить, что раньше обращалась в этот центр. При её наблюдении тоже возникали особенности, которые требовали объяснения. Обсуждать её медицинские записи он не предложил.

Сохранила номер. Получалось, Антон сталкивался с чем-то похожим раньше, но всё равно не обещал найти ответ по одной книге. Мне нравилось, что он готов разбираться, хотя знает не всё.

Перед уходом мы согласовали ближайшее наблюдение. Записала время исследования и спросила, брать ли книгу снова. Антон ответил, что для осмотра нужны прежде всего записи о самочувствии, а фотографию семейной страницы мы уже сохранили с моего разрешения.

В коридоре убрала папку в сумку. Антон позвал следующего пациента. Мне тоже хотелось вернуться к работе, но сначала предстояло найти сведения, которых в медицинской карте не было.

Дома дед чинил ящик кухонного стола. Положил его на бок и подклеивал разошедшийся угол. Я остановилась в дверях, наблюдая, как он прижимает дерево ладонью. Порез на пальце ещё был виден. Работал он осторожно, стараясь не задеть его.

Я поставила сумку на стул и сказала, что была у Антона. Дед спросил, что врач нашёл. Я ответила, что назначено наблюдение, и достала лист с последовательностью. Он вытер руки и наклонился к нему.

Увидев имя Лидии в моих заметках, дед сказал, что она давно устала от архива. По его мнению, её рассказы нужно слушать с оглядкой на это. Я вспомнила, как она успевала заполнять журнал, пока мы говорили о её работе.

— Она объяснила мне, как выйти. Ты этого не сделал.

Он вернулся к ящику. Я подождала, пока он положит кисточку, и спросила, где раньше наблюдали людей с таким свойством. За несколько веков могли сохраниться записи. Хотелось прочесть хотя бы один случай от начала до конца.

Дед сказал, что была лечебница за городом. Там пытались избавлять людей от дара, и это бывало опасно. Он начал рассказывать о слабости после попыток, но я попросила сначала назвать место и дату.

Лечебница закрылась в тысяча восемьсот восемьдесят первом году. До здания можно было доехать примерно за семьдесят минут. Дед знал, где оно находится, однако о нынешнем доступе сразу не ответил. Теперь им пользовались другие люди.

Я записала год. Слово «опасно» оставалось его оценкой. На мой вопрос о результатах он ответил, что не все переносили попытки одинаково. Имена и медицинские записи в разговоре пока не появились.

— Где бумаги?

Он сказал, что часть забрали семьи после закрытия. Некоторые журналы могли остаться в здании. Я спросила, можно ли проверить это по описи, и дед признал, что сначала стоит обратиться в городской архив.

Поездку в чужое здание нужно было согласовать. Начинать поиск без названия учреждения и года означало снова зависеть от дедова рассказа.

Я попросила записать название лечебницы так, как оно значилось в старых бумагах. Дед взял ручку, которую убрал со стола, и написал на отдельном листе. Затем добавил, что поможет выяснить, кто распоряжается зданием и как попасть внутрь.

Я сложила его записку вместе с листом из центра. На девятое сентября наметила посещение городского архива, а к Лидии собиралась обратиться по сохранённому номеру. Дед снова вернулся к ящику. Я убрала книгу в свою комнату и подготовила папку для запроса: название лечебницы теперь можно было искать по документам.

Глава 8. Бумаги, которые забрали

Девятого сентября я дошла до городского архива за двадцать минут. В папке лежала дедова записка с названием лечебницы и годом закрытия. У входа пришлось остановиться: прежде я приносила сюда восстановленные документы, а теперь собиралась искать бумаги, о которых знала только с его слов.

В читальном зале мне дали бланк. Я написала, что ищу описи и сведения о передаче документов лечебницы после закрытия в тысяча восемьсот восемьдесят первом году. Про бессмертие писать не стала. Сейчас требовалось выяснить, куда ушли журналы, а для этого хватало названия учреждения.

Сотрудница приняла запрос и попросила подождать. Я села возле окна. Хотелось, чтобы бумагу нашли сразу, но я достала телефон и проверила сообщение от клиента.

Клиент согласился подождать ещё несколько дней. Я пообещала сообщить порядок дальнейшей работы и посмотрела на часы. Долго сидеть здесь без результата не могла.

К столу подошла женщина в очках, держа мой бланк. Назвала себя Зоей Карташовой и спросила, откуда взяла год закрытия. Я показала записку. Зоя прочитала её и уточнила, есть ли у меня ссылка на документ.

— Пока только сведения от родственника.

— Тогда начнём с учреждения. Дату тоже проверим.

Она не спросила, почему я ищу лечебницу, и не обещала отыскать всё сегодня. Взяла бланк, потом вернулась с описью фонда. Я пересела ближе к её столу, оставив сумку на свободном стуле.

Название нашлось не в первой графе. Учреждение упоминалось в деле о передаче имущества после закрытия. Год совпадал с дедовой запиской. Я наклонилась к странице и увидела, что рядом с документами указано место, куда их направили.

Зоя придержала повреждённый сгиб, когда я потянулась перевернуть лист. Подложила под него бумагу, чтобы край не тянул за собой страницу. Я убрала руку и подождала.

В местном фонде сохранялись бумаги о хозяйственной передаче. Основная часть журналов проходила по другому месту хранения. В поздней отметке значилось Заречье. Я переписала ссылку, надеясь, что смогу заказать копии отсюда.

Нужно было выяснить, сохранились ли сами дела. До архива Заречья ехать около двух часов в одну сторону. Я представила день, который придётся освободить, и записала ссылку.

— А медицинские записи здесь есть?

Она проверила соседние позиции. Нашлось упоминание дубликатов журналов наблюдения. Их часть оставили при лечебнице; позднее отдельные бумаги поступили на местное хранение. По этой описи нельзя было понять, сохранилось ли остальное в здании до наших дней.

В записи о дубликатах был указан их объём, но без имён наблюдавшихся людей. Я переписала строку, разделив оставленные журналы и бумаги, уже принятые архивом.

Копию дела о передаче сразу выдать не смогли. Зоя помогла оформить заказ, объяснила, какие листы можно будет снять после получения. Я записала номер дела и спросила, стоит ли тем временем ехать к бывшей лечебнице.

— Сначала договоритесь с нынешним владельцем. Опись не даёт права открыть его шкафы.

Я подумала о дедовом обещании помочь. Он говорил о здании как о знакомом месте, но это не делало его хозяином. В свой запрос я добавила вопрос о сохранности журналов в Заречье. Поиск теперь делился на две дороги, и обе требовали предварительного ответа.

Зоя согласилась посмотреть фотографии найденных бумаг, если мне разрешат осмотр в здании. Попросила снимать документы до перемещения, чтобы можно было установить происхождение.

К концу разговора у меня появились ссылки на дела и оформленный запрос. Журналов я не увидела. Но впервые с возвращения деда сведения подтвердил источник, который он не выбирал.

Дома я застала его возле рабочего стола. Он осматривал крепление лампы, расшатавшееся после того, как я несколько раз переставляла её. Я сказала, что год закрытия подтвердился. Дед отпустил винт и спросил, нашлось ли что-нибудь о лечении.

Я показала записи из описи. О результатах лечения они пока ничего не говорили. Зато было понятно, что часть бумаг вывезли, а дубликаты оставили при лечебнице. Дед прочитал строку про Заречье и заметил, что путь неблизкий.

Дед предложил сначала съездить в здание: из другого архива можно получить те же записи. Я попросила не откладывать запрос и выяснить, кому сейчас принадлежит лечебница. Он сказал, что узнает, и вернулся к лампе.

На следующий день выдали заказанное дело. Зоя показала опись вывезенных бумаг и разрешила съёмку. Я сняла обложку с архивным обозначением, затем доступные листы, проверяя, целиком ли попали строки в кадр.

В перечне вместе с журналами значились вещи, выданные представителям семей. Одно описание заставило меня задержаться: деревянный футляр для бумаг с медной застёжкой. Такой стоял в дедовом кабинете. Я всегда принимала его за старую канцелярскую коробку и складывала рядом современные папки.

Футляров с медной застёжкой могло быть много. Я записала строку, чтобы дома осмотреть вещь. Рядом значилась книга домашних записей без признаков, по которым можно узнать нашу.

На следующем листе была расписка о получении части журналов. Подпись отличалась от тех, которые я сравнивала на дедовых фотографиях. Фамилия читалась: Власов. Перед ней стояло «П.»; следующая буква сливалась с росчерком. Я сняла лист крупнее и спросила Зою, можно ли установить, кто подписывал.

Она показала соседнюю запись с указанием получателя. Здесь он действовал как представитель семьи. Кем приходился владельцам бумаг и почему именно ему выдали журналы, по этому листу определить было нельзя.

Я переписала сведения. Дед мог знать этого человека. Дома собиралась положить перед ним копию и сопоставить ответ с записью.

Зоя заметила, что я задержалась над распиской, и спросила, важна ли фамилия. Я ответила, что проверю по семейным бумагам. Она напомнила сохранить номер листа. Крупная фотография подписи без соседних записей теряла часть смысла.

В запросе в Заречье указали ссылку и даты. Я оставила контакты и проверила обозначения. Зоя попросила дождаться подтверждения наличия дел, прежде чем планировать поездку.

Дед ждал меня на кухне. Я достала фотографии, открыла опись и спросила про футляр. Он сказал, что вещь старая, но не помнит, когда она оказалась дома. Предложил посмотреть её после обеда.

К подписи в расписке он наклонился ближе. Прочитал фамилию Власова, провёл пальцем по экрану и сразу убрал руку, когда изображение сдвинулось. Я вернула его на место.

— Знакомый, — сказал дед. — Занимался семейными бумагами.

Я спросила, знал ли он этого человека лично. Дед подтвердил, затем заговорил о футляре: у него сломана петля, если мне нужен для работы, лучше починить. Я остановила его и вернулась к полученным журналам.

Дед сказал, что семьи забирали своё, а потом многое терялось при переездах. Ответ звучал правдоподобно, но не касался журналов из расписки.

— Ты видел эти журналы?

Он посмотрел на дату. Сказал, что за прошедшие годы трудно помнить каждый том, и спросил, ответили ли мне насчёт здания. Я отложила телефон. Вопрос о владельце он обещал выяснить сам, а теперь вернул его мне.

Мы оба помолчали. Я могла потребовать признания в чём угодно, но оснований для него пока не было. Дед узнал получателя и не объяснил дальнейший путь бумаг. Это я записала после разговора, оставив место для проверки.

Футляр он всё-таки принёс. Медная застёжка совпадала с описанием, однако надписи или старой бирки внутри не нашлось. На крышке осталась царапина, которой в описи не было. Я сделала снимок и поставила вещь обратно. Сходства оказалось недостаточно.

После обеда занялась рабочим календарём. Поездка к лечебнице требовала перенести часть работы с альбомом. Я написала клиенту, какой этап уже завершён и когда вернусь к следующему. Новую дату назвала с запасом на дорогу и осмотр, чтобы не обещать закончить вечером после поездки.

Я сохранила согласие клиента и закрыла альбом защитным листом. Эта поездка была моим решением; её влияние на заказ я могла объяснить заранее.

Дед принёс номер владельца склада, который занимал бывшую лечебницу. Его звали Михаил Савельев. Я спросила, говорил ли дед с ним о моём приезде. Оказалось, только выяснил номер: распоряжаться помещением Савельев никому не разрешал.

Я позвонила сама. Сказала, что восстанавливаю бумажные документы и ищу журналы, которые по старой описи могли остаться в здании. Савельев ответил, что старые бумаги там есть, но склад продолжает работать. Пускать человека, который будет разбирать всё подряд, он не собирался.

Я попросила разрешить предварительный осмотр. Объяснила, что смогу оценить состояние доступных документов, не трогая товар. Если бумаги повреждены, сначала сниму их, а способ работы предложу после осмотра. Забирать найденное без отдельной договорённости не буду.

На вопрос о намокших бумагах я ответила, что занимаюсь такой реставрацией, но результат оценю на месте. Савельев сказал, что в одном помещении была вода. Ему нужно понять, что делать с бумагами.

Мы договорились на четырнадцатое сентября. Время он выбрал между складскими работами, предупредив, что открыть сможет только доступное помещение. Я записала условия и повторила их, чтобы он подтвердил. Дед слушал рядом, не пытаясь говорить за меня.

Савельев подтвердил встречу сообщением. До поездки я могла закончить подготовленный этап заказа и собрать материалы для осмотра.

Зое отправила вопрос о проверке будущей находки. В ответ она попросила сохранить общий вид места и порядок, в котором лежат документы. Старую бумагу саму по себе она не назовёт журналом лечебницы. Потребуется сопоставить её с описью и подтвердить, откуда она взята.

Я спросила, есть ли в местном деле общие условия семейных передач. Зоя ответила, что в выданных документах их нет. Дело касается закрытия учреждения и движения имущества. Чтобы искать другие записи, нужно было сначала понять, где их могли хранить.

Дед подошёл, когда я убирала телефон. Я назвала ему дату поездки и попросила подтвердить, что поедет со мной. Он согласился. На вопрос, сможет ли помочь опознать журналы, ответил, что постарается.

Я положила копии описи в отдельную папку. Рядом сохранила подтверждение Савельева, а запрос в Заречье оставила ждать ответа. На четырнадцатое сентября освободила время для

лечебницы. Расписку о вывозе бумаг поместила сверху: после осмотра собиралась снова спросить деда, куда попали полученные его знакомым журналы.

Глава 9. Работа на много лет

О посещении я договорилась с Лидией по телефону. Она предложила прийти одиннадцатого сентября к десяти: можно будет посмотреть архив и поговорить до выдачи дел. Я записала время сама. Сообщения от Веры не было, отметка в книге не менялась, и на этот раз я собиралась ехать без деда.

У калитки всё равно остановилась. За оградой стояла та же скамейка, где я сидела после приступа. Я вошла, подождала несколько секунд и обернулась. Калитка оставалась открытой; шагнула обратно на тротуар, затем вернулась во двор. Нога слушалась.

Лидия встретила меня с ключами и папкой. Сказала, что приготовила дела для показа, и провела в комнату на первом этаже.

Её стол стоял у окна. Возле него едва помещался второй стул: проход занимала тележка с папками. Лидия подвинула её к стене, достала для меня чистый лист и положила на свободный край стола.

На стене висело расписание. В пятничной строке было записано время работы с описью, но поверх стояла другая пометка. Лидия увидела, куда я смотрю, и объяснила, что утром перенесли выдачу дела. Подготовкой пришлось заняться раньше.

За дверью попросили копию справки. Лидия назвала полку. Через минуту ей принесли бумагу: не могли разобрать слово. Она прочитала и вернулась к столу.

— Вы собирались сегодня делать опись? — спросила я.

— Собиралась. Теперь после обеда, если получится.

Она раскрыла папку. У одного листа надорвался край, и при перелистывании оторванная часть цеплялась за соседнюю страницу. Лидия придержала её пальцем, но строка с номером дела уходила в сгиб.

С разрешения Лидии я сняла положение листа, подложила чистую бумагу и освободила край от соседней страницы. Разместила опись в защитной обложке. Полноценный ремонт предстоял позже, зато надрыв не растягивался.

Лидия прочитала и переписала номер. Закрыв папку, немного опустила плечи. Я знала это облегчение: отложенное дело перестает мешать следующему.

В папке с прежними выдачами я узнала её почерк. По датам выходило, что Лидия выполняла эту работу несколько десятилетий.

Носительницей она стала в сорок два. Теперь ей было сто семьдесят четыре. Я посмотрела на её руки, придерживающие папку, и попыталась представить, сколько раз она открывала такую же запись по чужой просьбе.

— Вы хотели уйти?

Лидия закрыла папку.

— Просила. Несколько раз. Сначала думала, что просто найдут другого хранителя.

Позже она спрашивала о выходе из самого дара. Ей объясняли, что это опасно, предлагали подождать или передать его дальше. Она не хотела искать человека, которому достанется её место вместе со всем остальным.

Я рассказала про найденную опись лечебницы. Лидия сказала, что слышала обещания безопасного выхода, а потом возвращалась к тому же столу. Теперь ей нужны записи о том, что происходило с человеком.

Я ответила, что таких записей у меня пока нет. Есть разрешение на осмотр здания четырнадцатого сентября. Она попросила сообщить, если найду что-нибудь проверяемое, и снова посмотрела на расписание.

Принесли папку на выдачу. Лидия поставила её поверх приготовленных дел. С ней новую работу не согласовывали: документ нужен сейчас. Она достала журнал.

Мне хотелось предложить помощь и остаться до вечера. Вместо этого я спросила, что можно сделать за оставшееся до одиннадцати время. Лидия попросила проверить, не цепляются ли края других листов в повреждённой описи. На это я согласилась.

Вера вошла, когда я закрывала защитную обложку. Поздоровалась, посмотрела на освобождённый угол стола и сказала, что хорошо видеть нас за работой. Я объяснила, что помогла с одним повреждённым листом. Лидия подтвердила и отодвинула папку от моей сумки.

Вера принесла описание будущих дел. В нём уже стояла моя фамилия. Я увидела её над строкой о ведении архива, хотя после первого вызова отказалась от должности и попросила отдельные условия для реставрации.

Она сказала, что это проект распределения. Лидия продолжала работать, пока мы разговаривали: сверила номер выданного дела, расписалась в журнале и передала папку за дверь. Вера заняла освободившийся стул.

Я прочитала проект до конца. Работа с повреждёнными документами была только частью. Выдачи следовало принимать по мере обращения, ведение описи откладывалось на свободное время. Отдельного предела часов в листе не было.

Я показала Вере место, где ожидала увидеть расписание. Она ответила, что семейные дела не всегда укладываются в часы приёма. Обычный порядок можно согласовать, но хранительница должна оставаться на связи.

— У меня есть свои заказы.

— Они у вас останутся. Мы не обсуждаем закрытие мастерской.

Мастерскую я ещё не открывала. Если архивная работа занимала время, которое мне нужно для клиентов, она могла так и остаться планом. Открыла календарь в телефоне и показала день работы с альбомом.

Вера предложила заранее отмечать занятые часы. Я спросила, что будет, если именно тогда понадобится дело. Она сказала, что придётся искать решение с учётом важности запроса. По её ответу выходило, что важность моего заказа нужно будет объяснять каждый раз.

Лидия подняла глаза от журнала. Ничего не сказала, но я посмотрела на исправленную пятничную строку. На стене уже висел ответ, как такой порядок работает в обычное утро.

Вера перелистнула проект. На подтверждении тринадцатого октября предполагалось оформить назначение. До этого она хотела познакомить меня с архивом, чтобы к собранию я понимала объём дела.

Я попросила назвать основание, по которому должность передают именно мне. Вера указала на семейную запись: с защитой связано участие в общих делах, а моя профессия подходила для архива. Я спросила, следует ли из записи, что я обязана принять эту должность.

Она ответила, что работу нужно распределить между носителями с учётом навыков. Я попросила всё-таки показать письменное основание: о нём спрашивала ещё после вызова.

Бумаги ещё готовили. Пока мне предлагали посмотреть работу. Я отодвинула проект со своей фамилией.

— С подготовленным назначением я не согласна. Сегодня я пришла поговорить с Лидией.

Она напомнила, что я сама помогла с описью. Я ответила, что согласилась на один лист и закончила эту работу. Лидия положила ладонь на закрытую папку.

— Это моя опись. Нина помогла её открыть, — сказала она. — Выдачи сегодня веду я.

Вера убрала проект и спросила, кто будет работать, если все откажутся. Я хотела напомнить о просьбах Лидии, но говорить за неё не стала. Её причины знала лишь отчасти.

Я попросила копию проекта и относящееся ко мне основание назначения. Вера разрешила снять листы, отдельно заметив, что это ещё обсуждение. Я сфотографировала их вместе с последней страницей, где подписи хранительницы пока не было.

Лидия проводила меня до двери. Я спросила, сможет ли она сохранить сведения о моём запросе. Она ответила, что запишет, и напредила не оставлять на столе телефон.

Я забрала его и прошла через двор. Калитку открыла сама. Никто не вносил нового вызова, и шаг за порог дался свободно. Но полтора часа разговора уже заняли время, которое утром казалось моим, а Лидия осталась оформлять выдачу вместо своей описи.

Дома продолжила работу с альбомом, но заметила, что читаю подпись третий раз. В голове оставался лист с моей фамилией. Я накрыла работу, чтобы не повредить бумагу.

Вечером достала книгу. Возле моей подписи не было слов о хранилище архива. Общую обязанность Вера объясняла через конкретную работу, а письменного основания по-прежнему не давала.

Я не могла сама прочитать в старых страницах все правила. Но могла показать, что именно мне предлагали и на что я отвечала. Фотографии проекта распечатала и сохранила рядом с запросом об условиях. Книга осталась открытой на столе до прихода деда.

Перед сном дед заглянул в комнату. Я показала проект. Он сказал, что Вера всегда готовила бумаги заранее. Я спросила, знал ли о постоянном ведении архива.

Он ответил, что должность обсуждали. Сказал это так же спокойно, как раньше говорил о стоимости окна. Я попросила его сесть.

Дед обещал, что мне дадут освоиться, Лидия покажет порядок. На вопрос о времени для своих заказов ответил, что всё зависит от числа общих дел.

На следующий день вернулась к этому разговору за кухонным столом. Дед чинил петлю старого футляра, который мы осматривали после архива. Я поставила рядом книгу и показала отметку.

— О вызовах ты знал давно?

— Да.

Он признал, что приезжал по ним и знал последствия опоздания. Мне не нужно было снова описывать приступ. Дед провёл пальцем по краю футляра и положил отвёртку.

Я спросила, почему он не объяснил это, когда передавал книгу. Он сказал, что рассчитывал на мою привычку разбираться с делами по мере их появления. Думал, Вера поможет с ремонтом, даст работу, и я пойму, что семья не оставляет меня одну.

В этом плане каждому нашлось занятие. Вера организовывала, Лидия показывала, я принимала хозяйство и справлялась. Место для моего отказа дед заранее не предусмотрел.

— Почему именно я?

Он посмотрел на раскрытую книгу. Ответил, что я умею обращаться с бумагами, живу в доме и доведу начатое до конца. На меня можно положиться. Мне часто говорили это, когда просили взять ещё один заказ или решить вопрос, до которого у других не доходили руки.

Я напредила, что свой стол тоже выбирала для работы, которую собиралась вести сама. Дед сказал, что семейные дела не мешали бы всегда. Иногда пришлось бы подвинуть личные планы — как мы все и делали раньше.

Раньше я соглашалась сама. Бывала недовольна, переносила встречу, потом забывала. Теперь он передал мне обязанность вместе со свойством, о котором промолчал, и всё ещё говорил о небольшой перемене в расписании.

Я спросила, кому ещё он предлагал передачу. Дед ответил, что мне подходит возраст и профессия. Я посмотрела на фотографию мамы. Она жила здесь и знала о даре.

Имя Ирины он не произнёс. Я отложила вопрос до проверки семейных бумаг.

Дед показал петлю футляра. Я проверила крышку, поблагодарила и убрала внутрь копию проекта. Книгу забрала к себе: до лечебницы оставалось два дня, а выяснить, кому прежде предлагали эту обязанность, собиралась завтра.

Глава 10. Отказ Ирины

Утром тринадцатого сентября я позвонила Вере и попросила встречу. Она предложила приехать к полудню, добавив, что проект назначения можно обсудить без Лидии. Пришлось объяснить, что речь о другом. Я хотела знать, кому дед предлагал дар до меня.

Вера помолчала, но время оставила прежнее. Дед услышал разговор и спросил, зачем опять ехать в союз. Я сказала, что вернусь к обеду. Обещания ответить дома он не дал.

На Набережной ворота были открыты. После первого вызова хотелось проверить выход ещё до разговора. Однако сегодня книга осталась дома, а в груди ничего не давило. Я поднялась к Вере.

Вера работала за столом. Проект с моим именем лежал сбоку, под прозрачной папкой. Она убрала его в ящик и предложила чай. Я отказалась и сразу спросила:

— Мама предлагали принять дар?

— Да. Семён хотел передать его Ирине.

Вера взяла чашку, но пить не стала. Я пыталась соединить сказанное с мамой, которая опаздывала за мной после занятий, задерживаясь в редакции.

— Она отказалась?

Вера поставила чашку. Мама знала о даре задолго до моего рождения. Позже, когда дед заговорил о передаче всерьёз, потребовала сначала изменить условия. По словам Веры, она хотела принимать общие дела только по собственному согласию и считала, что у получателя должно быть право закончить службу.

Я вытащила блокнот и перевернула страницу с записью о завтрашней поездке. Рука не болела. Я уже пользовалась тем, что мама принимать не захотела.

Вера сказала, что Ирина хотела брать полезное, отказываясь от остального. Их общие бумаги нельзя было оставлять без присмотра. Я записала мамины требования, а объяснение Веры оставила за полями.

— Она подписала отказ? Есть бумага?

— Подписи о принятии нет. Для отказа достаточно было не принимать.

Мне хотелось увидеть хоть что-нибудь, кроме чужого пересказа. Вера сказала, что должна проверить старые дела, и не обещала прислать их сегодня. Зато помнила мамины споры. Ирина не хотела ждать, пока найдётся решение для всех, требовала ответа для себя. Вера раздражалась, как недавно при разговоре о моих личных заказах.

Я спросила о выходе после передачи. Ирина задавала вопросы, ответила Вера, но до принятия дело не дошло. Затем подвинула ко мне чашку.

— Она осталась смертной. А у тебя в четырнадцать лет не стало матери.

Я перестала писать. На странице карандаш прочертил короткую полосу вниз от последней буквы. Вера произнесла мой возраст без запинки, и я вспомнила её в прихожей нашего дома после похорон. Тогда она поправляла воротник моего пальто и велела не отходить от деда.

Вера продолжала говорить. С даром у мамы было бы больше шансов пережить тяжёлые повреждения. Вместо этого она решила, что справится сама, и оставила меня деду. Теперь у меня есть возможность выбрать иначе. Чашку я отодвинула обратно.

— Вы знаете, что произошло в аварии?

Она знала о гибели и о том, что мама ехала по своим делам. Подробности, сказала Вера, выясняли обычным порядком. Сам отказ её не убил, конечно. Но последствия решения нельзя вычёркивать только потому, что неприятно о них помнить.

От этого уточнения мне стало хуже. Я приехала узнать о предложении деда, а должна была сидеть и воображать, как мама могла остаться жива, если бы согласилась. В четырнадцать

лет я уже перебирала всё, что мы не успели сделать в тот день. Даже сердитое сообщение, оставшееся без ответа.

— Вы сказали, что она оставила меня. Она собиралась вернуться домой.

Вера ответила, что не обвиняет Ирину, но я взрослая и могу оценить её выбор. Я убрала карандаш и попросила копии записей о предложении и требованиях мамы, если они сохранились. Вера согласилась проверить, однако снова напомнила о тринадцатом октября.

Я поднялась, не дожидаясь объяснения про подтверждение. У ворот набрала в телефоне дату маминой смерти: восемнадцатое мая две тысячи двенадцатого года. Связь между её отказом и аварией пока предполагала только Вера. Этим рассказом она хотела заставить меня согласиться.

Дома дед разогревал суп. Он убавил огонь и достал вторую тарелку. Я села, но тарелку оставила пустой. Дед держал половник над кастрюлей, пока я не спросила, правда ли мама отказалась от дара.

Он положил половник на блюдце. Отрицать не стал. Передача обсуждалась, Ирина знала, что нужно сделать, и не согласилась. Я попросила рассказать, чего она требовала. Дед поправил крышку кастрюли и сказал, что ей хотелось жить по-своему.

— А точнее?

Он вспомнил её споры с Верой, но начал с того, как трудно было с мамой договориться о семейных делах. Она могла согласиться помочь, а потом поставить условие, к которому никто не готовился. Мне это было знакомо по старым разговорам. Так дед объяснял её нежелание приезжать на обед, когда она обещала провести день со мной.

Я назвала право отказываться от поручений. Дед кивнул. Про возможность закончить службу ответил, что мама хотела гарантий, которых ей не могли дать. Почему не могли, объяснить не стал. Сказал, что она сердилась и почти перестала обсуждать передачу.

— Она спрашивала про лечебницу?

Дед посмотрел на сумку у моего стула. В ней лежала копия архивной описи. Он ответил, что разговоры были разные, и потянулся за хлебом. Его ответ я записала.

Почему он скрывал мамин отказ? Дед сказал, что после её смерти я и без того плохо спала. Зачем было рассказывать ребёнку, что мать могла жить? А позже он надеялся устроить всё лучше. Мне достался бы дом, рядом оставалась бы семья. При этих словах он наконец налил суп в мою тарелку, будто мы закончили разговор.

— Я уже выросла. Ты мог сказать до того, как я подписала книгу.

Дед сел напротив. Устал, но продолжал объяснять, что хотел уберечь меня от такого же упрямства. После маминой гибели привык проверять, всё ли со мной в порядке. Дар позволял ему перестать ждать беды каждый раз, когда я задерживалась.

— Почему для этого понадобилось меня обмануть?

Дед опустил глаза и сказал, что, если бы знал, как яотреагирую, выбрал бы другой способ. Я спросила, объяснил бы условия или лучше подготовил прощание. Он поморщился и попросил не говорить с ним так.

Я отодвинула ложку. Вера сказала, что мама своей самостоятельностью оставила меня без матери. Я передала её слова, и дед потёр ладонью лоб. Он не хотел обсуждать смерть Ирины за обедом, хотя только что объяснял, от чего меня защищал.

Про аварию дед ответил, что это было несчастье. Мама выехала по делу и не вернулась. С даром могла бы выжить — повторил он вслед за Верой, а потом добавил, что никто не знает наверняка.

Я остановила его. Не могла вынести, как уверенность в маминой ошибке легко соседствовала с признанием, что наверняка они ничего не знают. Дед тоже не ел. Я спросила, остались ли у него бумаги об аварии. Он сказал, что после моего совершеннолетия отдал мне папку с мамиными документами. Других у него нет.

Папка лежала наверху в шкафу. Я давно не открывала её целиком. Теперь нужно было проверить содержимое.

Я съела несколько ложек супа. Дед спросил, отменяется ли поездка. Я ответила, что едем, если Савельев подтвердит время. Дед обещал помочь узнать бумаги; это обещание оставалось в силе. Однако обсуждать мои решения с Верой за меня он не должен. Он кивнул, глядя в тарелку.

Я достала папку, встав на стул, и села за рабочий стол. Клиентский альбом отодвинула в сторону. Бумаги занимали мало места.

На первом листе мама рассчитывала объём краеведческого сборника. Возле пропущенной правки было сердитое замечание с точкой в конце. Она нажала так сильно, что на бумаге осталась вмятина. Я провела пальцем рядом, не касаясь строки. Здесь мама проверяла чужую работу и торопилась сдать свою.

Документы о смерти лежали отдельно, в прозрачном кармане. Я прочла то, что знала по дедовому рассказу. Свидетельство подтверждало дату, однако обстоятельств аварии в нём не было. В папке оказалась копия сообщения о происшествии. Этого хватало, чтобы снова увидеть привычные сведения, но не чтобы ответить на вопрос Веры о том, что могло спасти маму.

Я сняла копии и вернула оригиналы в карман. Записала, откуда взяла каждый документ. Зоя просила фиксировать происхождение бумаг. С мамиными хотелось обойтись столь же аккуратно.

Вспомнился наш последний спор. Мне понадобилась новая вещь для школьного вечера, а мама сказала, что сначала надо посмотреть, что есть дома. Я решила, что ей просто не хочется тратить деньги на меня. Потом долго стыдилась этого. Теперь могла бы объявить любой наш спор доказательством того, что мы не понимали друг друга. Но это снова была бы придуманная история.

Она могла злиться и обещать больше, чем успевала. Отказывалась объяснять некоторые взрослые ссоры. Я любила её и сердилась на неё, часто в один день. Сегодня узнала о важном решении, а не получила указание повторить его.

Я закрыла папку и оставила рядом с блокнотом. Вопрос об аварии записала отдельно от поисков выхода. Даже если мама хотела тех же изменений, я должна была выяснить, что возможно для меня сейчас. А слова Веры о её смерти требовали проверки по сведениям о самом происшествии.

К вечеру Савельев подтвердил осмотр. Я подготовила камеру и положила копию описи в сумку. Дед заглянул спросить время выезда. Назвала его и попросила не убирать папку со стола. Когда он ушёл, сняла мамину фотографию с полки и поставила возле бумаг. Утром предстояло ехать в лечебницу; к документам об аварии я вернусь после осмотра.

Часть 2. Чужие годы

Глава 11. Склад в лечебнице

В машине дед сел впереди и сразу попросил водителя ехать через старый мост. Тот показал маршрут на экране: там перекрыли съезд, придётся объезжать. Дед хотел объяснить, где раньше была удобная дорога, но я напомнила, что Савельев ждёт нас к десяти. Мы поехали так, как было предложено.

Копия описи лежала на коленях. Михаил разрешал войти в старое помещение, если это не помешает отгрузке. После протечки часть коробок убрали наверх, но разбирать их было некогда. Он хотел понять, стоит ли заниматься бумагами.

Дед оглядывался по сторонам. За городом указал на поворот, где прежде стоял постоянный двор. Теперь за оградой продавали стройматериалы. Он описывал дом с длинным навесом, но мы уже проехали, и я видела только заднюю стену нового склада. Дед замолчал, затем спросил, взяла ли я книгу.

— Для осмотра она не нужна.

Он кивнул. Я оставила её в своей комнате, рядом с мамиными бумагами. Сейчас его помощь могла пригодиться. Старую опись он знал лучше меня, хотя на вопросы отвечал выборочно.

Через час с небольшим машина свернула к кирпичному зданию. Один край крыши закрывали новым металлом. У ворот стоял грузовик, и дорогу нам освободили только после того, как рабочий отодвинул тележку. Дед показал на боковой вход, попросив остановиться там. В сообщении Савельева было написано ждать у конторы, поэтому я попросила водителя довезти нас до неё.

Михаил вышел сам. Поздоровался с дедом, но предложил ему подождать у стены, пока мы говорим. Семён начал объяснять, где следует искать бумаги. Савельев выслушал начало и повернулся ко мне.

— Вы хотите посмотреть или забрать?

Я сказала, что пока могу только оценить состояние. Показала копию описи и объяснила, какие журналы ищу. Если сохранились дубликаты записей лечебницы, они нужны для исследования семейной истории. Но находка могла быть полезна и самому зданию: Михаил говорил по телефону, что старые бумаги занимают помещение, которое он хочет освободить.

Он прочитал начало копии. Опись подтверждала, что документы когда-то здесь были. Нынешние коробки могли содержать бумаги позднего склада. Для начала требовалось увидеть, что сохранилось.

— Во сколько обойдётся восстановление? — спросил Савельев.

Без осмотра цену и срок не определить. Я предложила оценить доступный участок. Полную разборку комнаты сегодня не обещала.

— А если там всё сгнило?

— Тогда скажу, что вижу. Обещать прочитать каждый лист не буду.

Михаил спрятал телефон и велел подождать, пока грузовик выедет. Дед хотел уже идти к боковой двери, но Михаил остановил его. Там сейчас везут товар. Через рабочую часть пройдем вместе, а ключ от старой комнаты у него.

Мы стояли у стены минут десять. Дед узнавал место, но там, где он пытался показать прежнюю дверь, стояли поддоны. Из своих трёхсот лет он помнил немало, однако складом распорядился Савельев.

Когда проход освободился, Михаил повёл нас внутрь. Взял с рабочего стола фонарь и предупредил, что дальняя часть комнаты закрыта до ремонта. К стене там не подходить. Бумаги можно фотографировать для работы, если в кадр не попадут современные накладные. Ничего выносить без него он не разрешал.

Дед отстал, рассматривая закрашенный проём. Михаил позвал его. За дверью стало прохладнее; возле порога лежал кусок потолочной штукатурки.

Савельев показал пятно над окном. Во время дождя вода пошла по стене, добралась до нижних коробок. Их подняли на свободный стол, но одна распалась, и бумаги переложили как смогли. В другом конце стоял шкаф, заслонённый пустыми ящиками. До него оставался проход, куда Михаил разрешил нам войти.

Я поставила свою сумку на чистый стул у двери. Сначала сняла комнату целиком, затем ближе стол и шкаф. Савельев спросил, зачем фотографировать коробку с отвалившейся стенкой.

— Чтобы после разборки знать, какие бумаги лежали вместе.

Он посмотрел на коробку и больше не торопил.

На столе верхний свёрток был тёмным по краям. Под ним виднелся лист с печатным бланком гораздо более позднего времени. Я оставила их на месте: вместе они могли оказаться недавно. На отдельной карточке записала номер свёртка и положила рядом для снимка.

Дед подошёл к шкафу, провёл ладонью по боковой стенке.

— Этот ещё здесь.

Я спросила, узнаёт ли он его. Дед показал вмятину возле дверцы: раньше та задевала соседний стол. Сейчас вмятина была забита светлой пылью. Савельев сказал, что шкаф достался ему вместе с оставшимся старым хламом. Передвигать его не стали, потому что тяжёлый.

Михаил убрал пустые ящики. Я проверила пол у шкафа: здесь вода не стояла. Нижняя полка была поднята над досками, на ней сохранились пачки. Верхняя дверца поддалась с усилием, и дед потянул за ручку сильнее, чем нужно. Я попросила придержать её, пока снимаю содержимое.

На средней полке лежали два журнала с потемневшими корешками. Дед сразу сказал, что записи наблюдений надо искать в другом месте. Здесь держали хозяйственные бумаги и копии, а основные журналы находились в комнате врача.

Я обернулась к нему. Прежде он говорил, что часть записей могла остаться в здании. Теперь знал назначение конкретной полки.

— Ты видел, что здесь лежало?

— Когда-то видел. Это давно было.

Когда именно, не уточнил. Я записала его слова. Дед охотно объяснил Савельеву, как прежде стояли столы. Я дала ему договорить.

На ближайшем переплёте читалась часть заголовка. Я сняла его прямо на полке, попросила у Михаила освободить небольшой стол возле двери. Тот перенёс с него инструмент. Положив привезённый материал, я осторожно подняла первый журнал. Дед предложил взять второй одновременно, но я попросила оставить его до отдельного снимка.

У первого журнала крышка отходила от блока. Я положила её так, чтобы она не тянула за собой страницы, и осмотрела край. Вода добралась до него, но не размочила всё насквозь. Дальние листы держались вместе, и я не стала пробовать, разделятся ли они. Под свободным начальным листом виднелась надпись о копиях записей.

Михаил наклонился рядом. Я показала ему слово, предупредив, что оно относится к данному журналу. Он усмехнулся: сначала подпись, потом вывод.

Ниже стоял год. Я сняла его крупно, сохранив в кадре край страницы. След от старой тесёмки пересекал строку и мешал прочесть её целиком.

Дед сказал, что лист можно прижать. Я показала участок, где волокна поднимались вместе с краем соседней страницы. Если потянуть сейчас, часть строки останется на ней. Он убрал руку и встал ближе к окну.

Во втором журнале первые страницы открывались свободнее. Начало было заполнено копиями коротких записей, а потом появлялись более длинные, с датами на полях. Я просмотрела только то, что не требовало усилия. Одна запись продолжалась за повреждённым сгибом. Дед наклонился и сказал, что последние тетради здесь всегда были неполными.

Я подняла голову.

— Откуда ты знаешь про последние?

Он ответил, что при закрытии лечебницы бумаги собирали не по порядку. Копии часто оставались без продолжения. Я напредила: когда мы смотрели архивные снимки дома, он сказал, что вывезенными журналами занимался знакомый семьи. Дед посмотрел на Савельева и попросил обсудить это позже.

Михаил отошёл ответить на звонок. Я записала слова деда, отметив, что он узнал шкаф до чтения надписей и заранее объявил последние тетради неполными. Его воспоминания нужно было проверять так же, как опись.

Под журналами нашлась небольшая папка. Её верхний лист был перечнем копий, с нумерацией, частично совпадавшей с обозначениями на переплётках. Я сняла его и сравнила первые строки. Дед вернулся от окна, увидел лист и сказал, что это поможет не путать основные записи с повторными.

Я оставила папку рядом и спросила Михаила, готов ли он обсудить временную передачу этих трёх предметов для более внимательного осмотра.

Савельев посмотрел на часы. Снаружи ждали решения по отгрузке. Он велел закончить фотографии и вышел.

Дед попросил не делать поспешных выводов: копия могла содержать ошибку.

— Какую ты заметил?

— Пока никакую.

Я оставила журнал на доступной странице и поставила рядом карточку с номером.

Когда Михаил вернулся, мы занялись передачей. Он хотел, чтобы я забрала бумаги и сообщила, годятся ли они хоть для чего-нибудь. Я попросила сначала записать, что именно беру, и показала снимки. Утраченные углы крышки нужно было отметить до начала работы.

Мы перешли в контору. Дед остался возле документов. Савельев включил компьютер и открыл пустой файл. Я назвала дату и обозначение помещения, затем продиктовала описания. Он попросил написать проще: страницы местами склеены после намокания.

Первичное обследование этой партии я бралась сделать без оплаты: сама искала сведения. Полную реставрацию нужно было согласовать отдельно.

— Потом счёт пришлётё? — спросил Савельев.

— Платную работу без вашего согласия не начну.

Он попросил внести это в документ.

Мы записали, что после оценки я сообщу о состоянии и предложу дальнейшие действия. Бумаги верну ему; если возникнет вопрос о передаче в архив, решение обсудим отдельно.

— Семён сказал, вы управитесь.

— Он не видел повреждений.

Я попросила указать, что увезу только согласованную партию. Он распечатал два экземпляра. Я прочла свой, исправила номер второго журнала и проверила, что папка с перечнем записана отдельно. Потом мы вернулись в комнату сверить описание с предметами.

Дед стоял возле стола. К одному краю журнала он подложил свёрнутый чистый лист, чтобы крышка не провисала. Я поблагодарила и попросила больше ничего не поправлять до

упаковки. При Михаиле сделала заключительные снимки. Он сравнил подписи карточек с распечаткой, после чего мы оба подписали бумаги.

Папка оказалась шире привезённых подложек. Савельев принёс коробку от образцов упаковки. Я проверила размер и положила папку отдельно от повреждённых переплётов.

Прежде чем закрыть второй журнал, ещё раз сняла свободный разворот. На правой странице вода размывала середину длинной записи, зато у внешнего края сохранились даты. Они шли с промежутками, и последняя относилась к другому году. В заголовке я прочла слова о наблюдении после перехода к смертности.

Держала камеру, не нажимая кнопку. Затем сделала снимок и приблизила его на экране. Начало строки было различимо, дальше шёл повреждённый участок. Хотелось угадать продолжение. Я уменьшила изображение, чтобы увидеть весь лист.

— Что там? — спросил дед.

Я показала заголовок. Сказала, что здесь записано наблюдение после перехода, причём даты охватывают длительный срок. Чьё именно и чем закончилось, пока не знаю. Дед попросил посмотреть оборот. Он держался вместе с соседним листом, и я отказалась его переворачивать.

Савельев спросил, не придётся ли из-за находок закрывать склад. Я объяснила, что наша работа этого не требует. Про значение записи расскажу после чтения и проверки.

Я записала положение разворота. За повреждённым участком могли скрываться осложнения. Однако заголовок и поздняя дата оставались перед глазами. В лечебнице наблюдали человека после перехода достаточно долго, чтобы внести запись в следующем году. Это стоило сохранить и изучить.

— В те годы многое писали, — сказал дед.

Я убрала камеру и напомнила, что он обещал помочь. Если помнит журнал, пусть расскажет.

— Надо сначала посмотреть получше.

Его слова я внесла в блокнот рядом с прежними.

Савельев попросил прислать фотографии с замечаниями. Я обещала отправить снимки осмотренного участка вечером, обозначив, чего не проверяла.

У конторы Михаил напомнил, что журналы временно у меня. Я обещала сообщить о ходе оценки. Дед вынес коробку с папкой, пока я несла журналы. Машину ждали у ворот.

На обратном пути дед уже не просил свернуть к старому мосту. Смотрел вперёд и иногда спрашивал, удобно ли лежит коробка. Я придерживала её на сиденье рядом с собой. Дорога трясла, и я следила, чтобы упаковка не сдвигалась.

Дома мы поставили бумаги на подготовленный стол. Я сняла общий вид и сверила номера с описью передачи. Дед предложил помочь раскрыть журналы; попросила пока оставить их в покое. На свободном месте рядом положила снимок найденного заголовка. Завтра начну с оценки повреждений: в строках за пятном воды мог быть ответ, но сначала нужно было сохранить сам лист.

Глава 12. Следы воды

Утром я отодвинула клиентский альбом от привезённых журналов и закончила обещанный заказчику снимок. Откладывать снова было нельзя. Отправив письмо, я освободила стол. На экране остался вчерашний разворот с заголовком о переходе к смертности.

Вблизи пятно воды выглядело хуже, чем на фотографии. Оно пересекало запись и заходило под склеенный край. Там, где мне хотелось прочесть продолжение, поверхность бумаги была рыхлой. Я поставила лампу сбоку, сверилась со снимком из лечебницы и начала описание.

Номер журнала записала на отдельной карточке. Крышку придерживала подставка, которую вчера пришлось сделать наспех; теперь заменила её подходящей по высоте. Так блок лежал устойчивее и не тянул за собой оторванный угол. Сняла общее состояние.

Клиенту я могла спокойно сказать, что нельзя открывать следующий лист. С этим журналом приходилось останавливать себя. Пальцы подходили к краю, а я уже пыталась угадать продолжение.

Первую свободную страницу сняла при боковом свете. У края сохранился номер, почти незаметный на вчерашнем снимке. Он помог связать лист с перечнем из папки. Я положила рядом фотографию перечня, оставив саму папку на отдельной подложке. Повреждённые журналы больше не лежали друг на друге.

Дед заглянул после завтрака. Я попросила его оставить чашку в кухне. Он вернулся без чая и спросил, много ли уже прочитано. Я показала строку, доступную вчера, и новый снимок с номером.

Сказал, что почти то же самое я привезла из лечебницы. Хотелось возразить, однако он был прав: за час ответов не прибавилось. Зато я уже знала, какую часть журнала могу раскрыть без потери текста.

— Может, через ткань утюгом? — предложил дед. — Мы так карты распрямляли.

Он показал ладонью, как прижал бы страницу. Я попросила его посмотреть на сгиб. Здесь край не просто загнулся: часть бумаги держалась за соседний лист, а по выступу проходила трещина. Если прижать всё сразу, она могла раскрыться дальше. Сначала нужно было разобаться с повреждением, и нагревать переплёт я не собиралась.

Дед наклонился к лампе. Я подвела свет, чтобы трещина стала заметнее. Он осторожно отступил от стола и сказал, что с картами такого не было. Тогда я попросила его найти подходящую коробку для второго журнала. Вчерашняя упаковка годилась для дороги, но работать с ней было неудобно.

Он принёс две и дал мне выбрать. Подходящая оказалась из-под старых фотографий. Я проверила коробку, а дед убрал вторую. Потом задержался у двери, словно ждал, что разговор перейдёт к вчерашним словам о лечебнице. Я не спросила. Пока важнее было прочесть то, что он предлагал считать ошибкой.

В первом журнале нашлись свободно открывающиеся листы с хозяйственными записями. Они помогли понять расположение тетрадей, но не ответили на мой вопрос. Я снимала их последовательно, отмечая пропуски. Нумерация относилась к копиям из разных источников.

Перечень из папки объяснял это лучше переплёта. Возле одного обозначения стояло слово «наблюдения». Оно совпадало с пометкой второго журнала. Однако продолжение строки пострадало от воды, и полной связи пока не получалось. Я оставила в расшифровке пустое место вместо предполагаемого названия.

Савельев спросил в сообщении про номер оставшейся коробки: нужно было объяснить рабочим, что осталось в комнате. Я отправила снимок карточки и уточнила, какой участок осмотрела. О находке хотелось сообщить, но он спрашивал о порядке в помещении.

К полудню заболела шея. Я выключила лампу и встала. Дед грел обед, спросил, можно ли теперь помочь с листами. Объяснила, что пока мне нужна только свободная поверхность рядом со столом. Он убрал оттуда свои инструменты и забрал чашку, оставшуюся с утра на подоконнике.

После обеда я вернулась к развороту с датами. Изменение света позволило разобрать конец заголовка, который прежде сливался с пятном. Я увеличила снимок, потом посмотрела на сам лист. Удалось увидеть штрих, пропущенный при первом осмотре.

В заголовке говорилось о наблюдении после перехода к смертности. Под ним начиналась запись, продолжавшая более раннюю. Номер в углу направлял к предыдущей тетради. Я нашла её в том же журнале, но раскрыла только свободную часть: за слипшийся участок пока не бралась.

Первую запись датировали 1876 годом. Там упоминалось ослабление закрепления и переход к следующей ступени. Между ними стояло замечание о состоянии женщины. Часть строки я смогла прочесть целиком: прежние действия решили не продолжать в этот день. Причина ушла под пятно.

Я переписала доступное, оставив пробел. Хотелось подставить слово о слабости или боли, но на листе ни одного из них не было видно. Я свернула увеличенный снимок и вернулась к последовательности.

Дальше шло новое наблюдение и лишь после него — отметка о следующей ступени. Отдельные фразы повторялись. Повтор позволял различить порядок там, где промежуточные строки не читались. Состояние проверяли заново, прежде чем продолжить.

Дед принёс найденную коробку и поставил её на свободный стол. Я показала ему читаемые места. Он сказал, что в лечебнице любили записывать всё подробно. На вопрос, что означало ослабление закрепления, ответил не сразу. Предложил сначала выяснить, не идёт ли речь о передаче.

Это требовало проверки. Я нашла в заголовке слово о смертности и указала на него. Дед посмотрел, затем сказал, что без начала записи мы можем понять её неверно. Начало действительно было неполным. Я отметила это рядом с расшифровкой, хотя мне не понравилось, как охотно он воспользовался повреждением.

— Ты помнишь эту женщину?

— Сначала имя прочитай.

Ответил он спокойно, но к столу больше не подошёл. Я вернулась к листу. Имя находилось дальше, у края, который требовал отдельной работы.

К вечеру я описала свободную часть второго журнала. Прочитанные строки собрала на одной странице, связав каждую со снимком. Между ними оставались большие промежутки.

Я позвонила Зое и сказала, что привезла небольшую партию бумаг с разрешения владельца. Спросила, можно ли прийти со снимками. Она назначила время на следующий день и попросила захватить опись передачи. Повреждённый журнал носить ради первого разговора не требовалось.

Ночью проснулась от звука в коридоре. Дед прошёл в кухню и включил воду. Я лежала, вспоминая промежутки между датами. Вера могла объяснить найденное ошибкой писавшего, дед — неполнотой копии. Они ещё не видели всех снимков, а я уже готовила ответы за них. Пришлось подняться и записать вопрос, который действительно относился к журналу: где могло сохраниться продолжение.

Утром шестнадцатого сентября я начала с доступного края записи, а не со склеенного разворота. На нём можно было работать, не раскрывая весь блок. Сверилась со вчерашним описанием, сделала снимок и только потом занялась участком возле имени.

Я изменяла положение лампы и сравнивала новые снимки с прежними. В какой-то момент показалось, что после первой буквы стоит другая, но при обычном свете линия оказалась краем пятна. Я удалила догадку из черновой расшифровки. Сам снимок оставила.

К середине утра удалось прочесть имя Аграфена и фамилию Корнеева. В соседней строке сохранялось указание на продолжение наблюдений. Я перепроверила буквы на двух снимках, затем записала полное имя. Дед был в саду, и звать его немедленно я не стала.

В поздней записи стоял 1878 год. До этого попадались промежуточные отметки, но теперь стала яснее длительность наблюдения. В доступной части говорилось, что женщина живёт дома и приходит на осмотр. Другая строка отмечала возрастные изменения, которых прежде у неё не наблюдали.

Я смотрела на слова о доме. Запись об Аграфене продолжалась спустя два года. Это ещё не объясняло, что именно делали в лечебнице, зато не укладывалось в рассказ о неизбежной гибели при любом выходе.

Пришлось проверить себя. Дед с конца августа тоже был смертным и продолжал жить дома. Этого мало, чтобы различить передачу и лечение. Но в ранних строках речь шла о ступенях ослабления, а не об одной подписи. Эти места нужно было читать вместе, не подменяя одно другим.

Я написала предварительную последовательность. В ранней записи состояние проверяли перед продолжением. Позже появлялась отметка о завершении, у которой пока не читалась часть строки. За ней следовали наблюдения обычной жизни. До полного восстановления связного рассказа оставалось далеко.

На повреждённом развороте находились условия начала. У одного края читалось несколько слов, середина была утрачена. Я перестала увеличивать снимок: от этого отсутствие текста не менялось. Для понимания понадобилась бы другая копия, если она сохранилась. Ответа из Заречья ещё не было.

Перед выходом я занялась клиентским альбомом. Уложились в обещанный час и оставались там, где работа позволяла сделать перерыв. Журналы отвлекали даже без лампы: я ловила себя на том, что смотрю в их сторону. Тогда накрыла их защитными листами и убрала блокнот с расшифровкой в сумку.

До городского архива дошла пешком. Зоя встретила меня у стола в читальном зале и попросила сначала показать, откуда взялись материалы. Я положила опись передачи, рядом открыла на экране общий снимок комнаты. За ним шёл шкаф до того, как мы достали журналы.

Она сверяла предметы на фотографиях с описанием. Указала на папку, спросив, лежала ли та отдельно. Я объяснила, что под журналами. Зоя попросила сохранить эту связь в записи: нынешнее соседство могло оказаться случайным, но терять сведения о нём не стоило.

Мне хотелось сразу перейти к Аграфене. Зоя попросила сначала открыть заголовок целиком, потом снимок с нумерацией. Я показала перечень копий. Она нашла обозначение журнала и сравнила почерк на нескольких страницах. Сказала, что различия могли возникнуть при сборе записей.

— Похоже на бумаги лечебницы? — спросила я.

— Происхождение правдоподобно. Дальше надо сверять.

Она показала, что на снимке нельзя уверенно оценить сам материал. Номер связывал лист с перечнем, а перечень — с найденной партией. Для сравнения с архивным делом этого было достаточно, чтобы продолжать поиск. Но современная опись передачи подтверждала только то, что я получила предметы у Савельева.

Я развернула расшифровку. Зоя прочла её, не торопясь, и вернулась к фотографиям. У промежутка после слова о завершении спросила, почему я оставила место. Ответила, что там повреждение. Она кивнула и попросила так же обозначить все участки, которые я ещё не раскрыла.

— Это уже успешный выход? — спросила я.

Зоя посмотрела на позднюю дату.

— Здесь есть жизнь после перехода. Полные условия пока не прочитаны.

Я рассказала о повторяющихся ступенях. Она выслушала, но о том, что могло происходить с телом, судить не взялась. Старую запись ещё предстояло сопоставить с другими сведениями. Я принесла ей свою надежду, но для проверки нужны были документы.

Мы уточнили запрос в Заречье. Вместо общих журналов лечебницы мы указали доступное название и период наблюдений. Особо отметили, что ищем экземпляр с продолжением повреждённой записи. Ехать туда до подтверждения дела она не советовала. Я согласилась дожидаться ответа.

После разговора открыла городскую опись семейных бумаг. В первый раз меня больше интересовала расписка получателя вывезенных журналов. Теперь вернулась к соседним строкам. В одной упоминалось письмо А. Корнеевой. Дата и фамилия заслуживали проверки, хотя одна начальная буква имени ещё не связывала письмо с женщиной из лечебницы.

Я показала строку Зое. Она сказала, что нужно увидеть сам документ или достаточно ясную копию, а затем сравнить подпись. Это стало отдельной задачей на завтра. Пока записала совпадение и место, где его нашла.

Дома дед спросил, что сказала архивистка. Я передала её осторожный вывод и назвала Аграфену Корнееву. Он остановился возле стола, но удивления не показал. Попросил прочесть ему запись. Я дала распечатку со снимком, не двигая сам журнал.

Дед просмотрел страницу и сказал, что речь могла идти о другом переходе. На вопрос, каком именно, ответил, что без пропущенных строк я тороплюсь. Я согласилась насчёт строк и попросила объяснить читаемое. В записи были ступени ослабления, а позднее — жизнь после перехода. Он повторил, что я неверно понимаю старые выражения.

Я положила распечатку обратно в папку. Спорить, пока не видела продолжения, было бесполезно. Дед обещал вспомнить, что сможет, и вышел. Я дописала запрос о письме Корнеевой, рядом сохранила расшифровку журнала с пустыми местами. Завтра предстояло сравнить подпись; склеенный разворот я оставила на подложке, не пытаясь получить из него ответ силой.

Глава 13. Подпись Аграфены

Утром семнадцатого сентября я нашла подпись на свободном листе второго журнала. Она стояла у края, куда вода почти не добралась. Вчера я работала на другом развороте. Теперь сняла страницу целиком, потом приблизила подпись на экране.

Почерк отличался от того, которым были сделаны наблюдения. В фамилии последняя буква уходила вниз, а под именем тянулся росчерк с обрывом посередине. Я записала, где нашла подпись, и сохранила снимок без обрезки. О том, когда и кем она была поставлена в тетради копий, по одной странице судить было нельзя.

Дед уже стоял в дверях. Спросил, иду ли я в архив, и предложил проводить. Я сказала, что справлюсь сама. Он смотрел на открытый журнал, пока я убирала снимки в папку на компьютере. Потом ушёл завтракать, не спросив, что удалось прочесть.

Зоя вчера помогла оформить запрос на письмо из описи. Утром мне сообщили, что дело можно посмотреть после одиннадцати. До выхода я вернулась к поздней записи. Её свободный край открывался без сопротивления, и при боковом свете удалось разобрать несколько слов, прежде оставленных в расшифровке пустыми.

Там отмечали, что ослабление завершено, а последующие изменения соответствуют обычному старению. В следующей строке Аграфена жаловалась на зрение при мелкой работе. Жалобу записали без тревожного продолжения: осмотр провели, наблюдение сохранили. Я смотрела на эти слова и вспоминала, как сама подвигаю лампу, когда устают глаза.

Запись не делала её жизнь лёгкой. Однако женщина, о которой писали в 1876 году, оставалась жива в 1878-м и говорила врачу о бытовой трудности. После завершения ослабления за ней продолжали наблюдать. Дед вчера предложил считать старые выражения неверно понятыми. Сегодня я могла показать ему больше, чем заголовок.

Я распечатала читаемые строки вместе с изображениями, оставив пропуски на месте, и накрыла журналы. Вечером предстояло закончить собственный заказ, а сначала нужно было увидеть письмо.

В архиве Зоя принесла дело и указала нужный лист. Я сверила номер с описью. Письмо оказалось небольшим, сложенным вдвое; на одном сгибе бумага потемнела. В конце стояла фамилия Корнеева, а выше имя было написано полностью.

Я положила распечатанный снимок журнала рядом, не касаясь письма. Одинаково заканчивалась фамилия. В имени повторялось соединение букв, которое я утром приняла за случайный перегиб штриха. На письме оно было хорошо видно. Зоя подошла, когда я попросила разрешения снять документ.

Она посмотрела на оба изображения и согласилась, что сходство заслуживает внимания. По распечатке заключения не дала: в журнале могли быть перенесены чужие записи. Я записала её замечание, прежде чем начать читать.

Письмо было датировано после передачи дара. Аграфена писала, что Вера приняла его в 1876 году, а ей самой потребовалось закончить оставшееся закрепление под наблюдением. Просила сохранить записи, чтобы дальнейшие решения не принимали по рассказам о неудачах. В конце говорила о желании жить дома, куда её уже отпускали между осмотрами.

Я перечитала строку с именем Веры. Теперь она связывала женщину из лечебницы с управляющей союза. Мне хотелось позвонить деду прямо из читального зала, но Зоя попросила сначала снять оборот. Там сохранилась пометка о получении письма. Она помогала понять, как оно попало в дело.

Я сделала снимки с разрешения и записала архивное обозначение. Затем вернулась к медицинским страницам. Даты следовали друг за другом, а письмо приходилось на промежу-

ток, когда наблюдения уже продолжались. Аграфена сначала передала дар, потом проходила ослабление того, что ещё оставалось связано с её телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.